

МОЛОДОЙ
УЧЁНЫЙ

ISSN 2587-8573

НОВЫЙ ЮРИДИЧЕСКИЙ Вестник

международный научный журнал

7
2026

16+

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 7 (59) / 2026

Издается с мая 2017 г.

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук

Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук

Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук

Курпаяниди Константин Иванович, PhD

Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук

Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук

При оформлении обложки использован фрагмент картины Джона Лавеля «Государственная измена».

Международный редакционный совет:

- Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию
и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и. о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребзов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, кандидат технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

СОДЕРЖАНИЕ

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Акимова И.Ю., Шинкарецкий С.П., Марчукайтис А.С., Спирин А.Е., Киммель К.В., Шатненко Е.С., Брусенцов А.А.

Контроль и надзор в системе государственного управления: теоретико-правовой анализ и актуальные проблемы осуществления 1

Стерхова С.И.

Конституционные основы управленческой и финансовой деятельности 3

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Акимова И.Ю., Ганджальян Т.К., Брусенцов А.А., Шатненко Е.С., Позыгун С.В.

Особенности административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел в условиях реформирования государственной службы 8

Чабанова А.Ю., Мунтаев С.Е., Ткаченко Н.В.

Понятие и виды правонарушений в области страхования 10

Чабанова А.Ю., Мунтаев С.Е., Ткаченко Н.В.

Зарубежный опыт правового регулирования административной ответственности в сфере страхования 13

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Борисова В.В.

Сравнительно-правовой анализ современных форм завещания в России и США 17

Тараева Е.А.

Разграничение истинного лизинга (true lease) и обеспечительной сделки в праве США и Российской Федерации 21

Чабанова А.Ю., Жигалова И.В., Виноградова А.С.

Место коммерческого обозначения в системе средств индивидуализации 24

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Никулина И.И.

Пути совершенствования законодательства в сфере деятельности профсоюзных организаций в Российской Федерации 27

Чабанова А.Ю., Андреева Н.В., Бервольд В.В., Дементьев И.А.

Влияние цифровой трансформации и модернизации экономики на правовое регулирование трудовых отношений 30

Чабанова А.Ю., Андреева Н.В., Виноградова А.А.

Дистанционная (удалённая) работа: модели правового регулирования 33

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Суханова Е.В.

Сложные вопросы квалификации наемничества. Отграничение наемничества от смежных составов преступлений	37
--	-----------

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Буянова Л.Д.

Участие прокурора при заочном рассмотрении уголовных дел судами	41
--	-----------

Зенин Е.Ф.

К вопросу об обоснованности расширения компетенции суда присяжных и риски деградации института в современной России	43
--	-----------

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Шарикова М.В.

Ограничение свободы как вид уголовного наказания: проблемы правоприменения и пути совершенствования	47
--	-----------

КОНСТИТУЦИОННОЕ (ГОСУДАРСТВЕННОЕ) ПРАВО

Контроль и надзор в системе государственного управления: теоретико-правовой анализ и актуальные проблемы осуществления

Акимова Инесса Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Шинкарецкий Сергей Петрович, студент магистратуры;

Марчукайтис Алексей Сергеевич, студент магистратуры;

Спирин Андрей Евгеньевич, студент магистратуры;

Киммель Кира Валерьевна, студент магистратуры;

Шатненко Евгений Сергеевич, студент магистратуры;

Брусенцов Александр Алексеевич, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена исследованию теоретико-правовых основ контроля и надзора как важнейших элементов системы государственного управления. Анализируются понятие, сущность и соотношение категорий «контроль» и «надзор» в теории административного права. Рассматриваются современные проблемы осуществления контрольно-надзорной деятельности в Российской Федерации с учетом изменений законодательства 2024–2025 годов, включая завершение моратория на проверки, внесение существенных изменений в Федеральный закон № 248-ФЗ и переход к устойчивому функционированию контрольной (надзорной) системы. Авторами предлагаются направления совершенствования правового регулирования контрольно-надзорной деятельности.

Ключевые слова: государственное управление, контроль, надзор, контрольно-надзорная деятельность, административное право, реформа контрольной надзорной деятельности.

Контроль и надзор являются неотъемлемыми элементами эффективного государственного управления. Они обеспечивают соблюдение законов, реализацию государственных программ и повышение качества предоставляемых государственных услуг. В условиях проводимой в Российской Федерации реформы государственного управления особую актуальность приобретает теоретико-правовой анализ категорий «контроль» и «надзор», а также исследование актуальных проблем их осуществления [1, с. 98].

В теории административного права сложились различные подходы к определению понятий «контроль» и «надзор». Государственный контроль представляет собой деятельность специально уполномоченных государственных органов, их должностных лиц и иных уполномоченных субъектов по наблюдению за функционированием подконтрольного объекта с целью установления его соответствия установленным требованиям [2, с. 132]. Государственный контроль и надзор — это инструменты обеспечения соблюдения законов и нормативных актов, предотвращения нарушений и защиты общественных интересов [3, с. 114].

Как справедливо отмечается в научной литературе, контроль в государственном управлении представляет собой систематическую проверку и анализ деятельности различных государственных органов с целью выявления отклонений от законодательно установленных норм и стандартов [4, с. 37]. Государственный контроль и надзор на уровне страны позволяют оценить эффективность проводимой политики, а на местном уровне — следить за соблюдением действующих нормативов и оценивать результативность принимаемых решений [5, с. 25].

Соотношение категорий «контроль» и «надзор» в теории административного права и их отражение в действующем законодательстве остается дискуссионным вопросом [6, с. 115]. Традиционно надзор рассматривается как более узкое понятие, предполагающее наблюдение за соблюдением специальных норм и правил, в то время как контроль включает более широкий спектр полномочий, в том числе возможность вмешательства в деятельность подконтрольного субъекта [7, с. 42].

Правовое регулирование контрольной (надзорной) деятельности осуществляется на основе нормативных правовых актов, включая Федеральный закон от 31.07.2020

№ 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» [8, ст. 2]. Данный закон установил единые подходы к организации и осуществлению государственного контроля (надзора), включая внедрение риск-ориентированного подхода, систему оценки результативности и эффективности контрольных (надзорных) мероприятий [8, ст. 5].

В 2024–2025 годах произошли существенные изменения в правовом регулировании контрольно-надзорной деятельности. Федеральным законом от 28.12.2024 № 540-ФЗ [9, ст. 1] внесены существенные изменения в Федеральный закон № 248-ФЗ. Начиная с 01.01.2025 основания для проведения контрольных (надзорных) мероприятий определяются по-новому [9, ст. 1]. Кроме того, установлено, что проведение контрольных (надзорных) мероприятий, указанных в части 1 статьи 95 Федерального закона № 248-ФЗ, не требует согласования с органами прокуратуры (ч. 1.1 ст. 95 Федерального закона № 248-ФЗ) [8, ст. 95].

Законодатель также урегулировал вопросы, связанные с досудебным обжалованием решений и действий контрольно-надзорных органов. Внесены изменения в нормы Закона № 248-ФЗ в части увеличения сроков проведения контрольных мероприятий в определенных случаях [10, ст. 1].

Важным событием 2025 года стало завершение действия моратория на проверки. Как отмечается в Сводном докладе о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2025 году [11, с. 3], данный год ознаменован завершением действия моратория на проверки и переходом от этапа активного реформирования к периоду устойчивого функционирования и «донастройки» контрольной (надзорной) системы [11, с. 5]. Мораторий на проведение контрольных (надзорных) мероприятий и проверок, введенный постановлением Правительства от 10.03.2022 № 336 [12, п. 1], на 2025 год не был продлен [13].

В научной литературе выделяются следующие проблемы современного государственного и муниципального контроля в Российской Федерации: противоречия между нормативным регулированием и практикой его реализации, несогласованность контрольных функций на различных уровнях публичной власти [1, с. 100]. К числу наиболее острых проблем относятся: дублирование контрольных функций различными органами, избыточность административных процедур, недостаточная эффективность контрольных мероприятий, высокий уровень административной нагрузки на бизнес [14, с. 14].

Постановлением Правительства Российской Федерации от 27.06.2025 № 975 [15, п. 1] внесены изменения в постановление Правительства РФ от 16 марта 2022 г. № 384, уточняющие порядок организации и осуществления государственного контроля (надзора) за реализацией органами исполнительной власти субъектов Российской Федерации полномочий в области обеспечения безопасности дорожного движения [15, п. 2]. В частности, рейдовый осмотр проводится в целях оценки реализации контролируемые лицами полномочий в области обеспечения безопасности дорожного движения на нескольких производственных объектах [15, п. 4]. Данный пример демонстрирует продолжение реформы контрольно-надзорной деятельности в части совершенствования конкретных видов контроля [6, с. 116].

Совершенствование контроля и надзора в системе государственного управления рассматривается как актуальная задача, направленная на повышение эффективности государственного управления, защиту прав граждан и организаций [16, с. 208]. Как справедливо отмечается в литературе, контроль и надзор являются неотъемлемыми элементами эффективного государственного управления [2, с. 135].

В современных условиях теоретико-правовые проблемы государственного и муниципального контроля требуют комплексного решения. Необходима дальнейшая «донастройка» контрольной (надзорной) системы с учетом достигнутых результатов реформирования и новых вызовов [11, с. 10]. Перспективными направлениями совершенствования являются: внедрение цифровых технологий в контрольно-надзорную деятельность, развитие риск-ориентированного подхода, совершенствование механизмов досудебного обжалования, повышение ответственности должностных лиц за нарушения при осуществлении контроля [17, с. 100].

Таким образом, контроль и надзор в системе государственного управления находятся на этапе активного реформирования. Завершение моратория на проверки и переход к устойчивому функционированию контрольной (надзорной) системы требуют дальнейшего совершенствования правового регулирования и правоприменительной практики в данной сфере [18, с. 90]. Теоретико-правовой анализ категорий «контроль» и «надзор», а также исследование актуальных проблем их осуществления имеют важное значение для развития административного права и повышения эффективности государственного управления [16, с. 210].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 4398.
2. Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (ред. от 28.12.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2020. — № 31. — Ст. 5007.

3. Федеральный закон от 28.12.2024 № 540-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 1. — Ст. 15.
4. Федеральный закон от 29.12.2025 № 567-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон „О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации”» // Собрание законодательства РФ. — 2026. — № 1. — Ст. 23.
5. Постановление Правительства РФ от 27.06.2025 № 975 «О внесении изменений в постановление Правительства Российской Федерации от 16 марта 2022 г. № 384» // Собрание законодательства РФ. — 2025. — № 27. — Ст. 4567.
6. Сводный доклад о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации в 2025 году // Официальный сайт Правительства РФ. — URL: <http://government.ru> (дата обращения: 20.06.2026).
7. Аتماкин М. А. Актуальные проблемы государственного и муниципального контроля // Бизнес и общество. — 2025. — № 4 (48). — С. 12–18.
8. Оганнисян Л. М. Государственный контроль и надзор в России: актуальное состояние и проблемы развития // Молодой ученый. — 2025. — № 51. — С. 98–103.
9. Глебовский В. А. Контроль и надзор, их функции в государственном управлении в РФ // Молодой ученый. — 2024. — № 49. — С. 132–136.
10. Гамзатова П. Г. Соотношение категорий «контроль» и «надзор» в теории административного права и их отражение в действующем законодательстве // Молодой ученый. — 2026. — № 15. — С. 112–118.
11. Россинский Б. В. Развитие системы государственного управления: воспоминания и размышления административиста. — М.: Норма, 2025. — 312 с.

Конституционные основы управленческой и финансовой деятельности

Стерхова София Игоревна, студент магистратуры

Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В статье предпринят комплексный анализ конституционных норм, образующих фундамент управленческой и финансовой деятельности Российского государства. Выделены общие организационные полномочия органов власти и специальная компетенция Правительства Российской Федерации, показана их взаимосвязь. Рассмотрены акты Конституционного Суда Российской Федерации, конкретизирующие конституционные положения. Особое внимание уделено системному характеру конституционного регулирования, объединяющему управленческие и финансовые начала.

Ключевые слова: конституционные основы, управленческая деятельность, финансовая деятельность, Правительство РФ, бюджетная система, Конституционный Суд, организационные полномочия.

Конституция Российской Федерации, будучи актом высшей юридической силы, не только учреждает систему публичной власти, но и задает параметры всей государственной деятельности. Одной из наиболее сложных и многогранных сфер, в которых переплетаются конституционные предписания, выступает взаимодействие управленческих и финансовых начал. В науке конституционного права традиционно изучаются организация государственной власти и финансово-правовые институты, при этом их глубинная взаимосвязь не всегда становится предметом специального анализа [1, с. 44]. Между тем, системное рассмотрение конституционных основ позволяет увидеть, что управленческая деятельность всегда предполагает финансовое обеспечение, а финансовая деятельность реализуется исключительно через организационно-правовые формы, предусмотренные Основным законом.

Цель настоящей работы — выявить и систематизировать конституционные нормы, формирующие каркас управленческой и финансовой деятельности, показать

их единство и взаимообусловленность. Для достижения цели последовательно решаются следующие задачи:

- 1) определить круг конституционных положений, закрепляющих общие организационные полномочия власти;
- 2) проанализировать компетенцию Правительства РФ как органа, совмещающего управленческие и финансовые функции;
- 3) рассмотреть судебную практику, интерпретирующую конституционные предписания в данной сфере.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системно-структурный и сравнительно-правовой методы. Нормативной базой послужили Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, Бюджетный кодекс Российской Федерации, а также правовые позиции Конституционного Суда Российской Федерации, выраженные в его постановлениях 2024–2025 гг. Теоретическую основу работы образуют труды ведущих отечественных государствен-

дов, специалистов в области финансового права и конституционного правосудия [2; 3; 4; 5; 7].

Конституционные основы управленческой деятельности не ограничиваются главой 6 Конституции Российской Федерации, а представляют собой разветвленную систему норм, рассредоточенных по всему тексту Основного закона. По своему содержанию эти нормы могут быть объединены в несколько взаимосвязанных групп.

Первую группу составляют нормы-принципы, определяющие характер публичной власти в Российской Федерации. Статья 1 Конституции Российской Федерации провозглашает Россию демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления. Из данной нормы непосредственно вытекают такие фундаментальные начала, как разделение властей (ст. 10), разграничение предметов ведения и полномочий между федерацией и её субъектами (ст. 71–73), признание и гарантированность местного самоуправления (ст. 12). Указанные положения формируют институционально-правовую основу организации публичной власти, определяя систему органов государственной власти и местного самоуправления, а также предопределяя их структурное построение и основные формы осуществления управленческой деятельности.

Вторая группа охватывает нормы, непосредственно учреждающие систему федеральных органов государственной власти. Статья 11 Конституции Российской Федерации в императивной форме перечисляет их: Президент Российской Федерации, Федеральное Собрание (Совет Федерации и Государственная Дума), Правительство Российской Федерации, суды Российской Федерации. Иные органы, наделенные властными полномочиями, могут быть созданы только в соответствии с федеральным законом и не вправе подменять конституционные институты. А поправки к Конституции Российской Федерации 2020 года, определили полномочия Президента Российской Федерации по формированию Государственного Совета Российской Федерации, как ключевого учреждения обеспечивающего согласованное функционирование и взаимодействие органов государственной власти, заложив фундамент Федерального закона № 394-ФЗ «О Государственном Совете Российской Федерации» от 08.12.2020. Тем самым закрепляется институциональная структура государства, в рамках которой осуществляется последующее распределение управленческих полномочий и финансовых ресурсов между уровнями публичной власти.

Третья группа — это нормы-принципы организации компетентной деятельности, разграничивающие полномочия между федеральными органами. Так статья 83 Конституции Российской Федерации закрепляет полномочия Президента Российской Федерации в рамках организации кадрового состава, а статья 102 — предметы ведения Совета Федерации, статья 103 — вопросы ведения Государственной Думы, статья 114 определяет функциональный круг Правительства Российской Федерации. Взаимодействие указанных институтов формирует кон-

ституционный механизм сдержек и противовесов, призванный гарантировать устойчивость государственного управления и предотвращать чрезмерную концентрацию власти. При этом управленческие полномочия не концентрируются исключительно в системе исполнительной власти. Отдельные управленческие функции реализуются также законодательными и президентскими институтами. Так, Федеральное Собрание участвует в осуществлении государственного управления посредством принятия федерального бюджета и парламентского контроля за его исполнением, тогда как Президент Российской Федерации осуществляет значительный объем управленческих полномочий в сфере кадровой политики и определения основных направлений внутренней и внешней государственной политики.

Подобное распределение управленческих функций между различными субъектами публичной власти рассматривается современной конституционно-правовой наукой как закономерное проявление принципа разделения властей и необходимое условие эффективного функционирования государственного механизма.

Четвертую группу формируют нормы, определяющие правовые формы осуществления управленческой деятельности. Согласно статье 90 Конституции Президент Российской Федерации издает указы и распоряжения, а в соответствии со статьей 115 Правительство Российской Федерации издает постановления и распоряжения, статья 15 Конституции Российской Федерации устанавливает, что общепризнанные принципы и нормы международного права, а также международные договоры Российской Федерации являются частью её правовой системы. Именно вышеперечисленные подзаконные акты служат основным инструментом оперативного управления, конкретизации и исполнения законодательных предписаний, кроме того, что вносят дополнительный элемент в управленческую практику, особенно в сфере межгосударственного сотрудничества.

Таким образом, общие организационные полномочия власти не замкнуты в одном разделе Конституции, а пронизывают весь её текст. Их системное единство обеспечивается иерархией конституционных предписаний: нормы-принципы получают развитие в институциональных нормах, а те, в свою очередь, конкретизируются в компетенционных и инструментальных нормах [4, с. 95].

Финансовая деятельность государства, понимаемая как деятельность по аккумулированию, распределению и использованию централизованных и децентрализованных денежных фондов, обладает собственной конституционной основой. Эта основа, однако, не изолирована, а интегрирована в общую ткань конституционного регулирования, что подчеркивается в работах специалистов по финансовому праву [5, с. 15].

Центральными звеньями конституционных норм о финансовой деятельности можно обоснованно считать статьи 71 и 75 Конституции Российской Федерации, ведь первая относит к ведению Российской Федерации финансовое, валютное, кредитное, таможенное регули-

рование, денежную эмиссию, основы ценовой политики, федеральные экономические службы, включая федеральные банки, формируя основу системы регулирования, а вторая закрепляет четыре ключевых элемента финансовой системы:

- 1) установление рубля в качестве единственной денежной единицы Российской Федерации и наделение Центрального банка Российской Федерации исключительным правом осуществления денежной эмиссии (ч. 1);
- 2) определение защиты и обеспечения устойчивости рубля в качестве основной функции Банка России, реализуемой им независимо от иных органов публичной власти (ч. 2);
- 3) закрепление положения о том, что система федеральных налогов и сборов, а также общие принципы налогообложения устанавливаются исключительно федеральным законом (ч. 3);
- 4) регламентацию порядка осуществления государственных заимствований, предусматривающую их добровольный характер и осуществление в соответствии с федеральным законом (ч. 4).

Детализация данных положений осуществляется в текущем законодательстве. Федеральный закон «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» конкретизирует статус мегарегулятора, Налоговый кодекс Российской Федерации реализует требование о законодательной форме установления налогов, а Бюджетный кодекс Российской Федерации (в редакции от 28.12.2025, с изменениями, внесенными Федеральным законом от 28.02.2026 № 25-ФЗ) регулирует бюджетный процесс, участниками которого выступают как федеральные, так и региональные органы власти.

Существует также целый ряд иных конституционных норм, которые в системном единстве образуют финансовую конституционную материю, как например статья 57 Конституции Российской Федерации возлагает на каждого обязанность платить законно установленные налоги и сборы, а статья 114 (пункт «а»)) обязывает Правительство Российской Федерации разрабатывать и представлять Государственной Думе федеральный бюджет, обеспечивать его исполнение и отчитываться о результатах, именно статья 113 регламентирует распределение ведения органов власти, уточненное в статьях 84 — для Президента Российской Федерации, 102 — для Совета Федерации, 114 — для Правительства Российской Федерации, 125 — для Конституционного суда и т.д..

Статья 104 предусматривает специальный порядок внесения законопроектов о налогах, а статья 106 — перечень федеральных законов, подлежащих обязательному рассмотрению в Совете Федерации, куда входят и законы по вопросам федерального бюджета, федеральных налогов и сборов, финансового, валютного, кредитного, таможенного регулирования, денежной эмиссии.

Приведенные нормы образуют трехуровневую структуру конституционных основ финансовой деятельности:

- базовый уровень: нормы-принципы (ст. 8, гарантирующая единство экономического пространства; ст. 71, относящая к ведению Федерации важнейшие финансовые сферы);
- институциональный уровень: нормы, определяющие субъектов финансовой деятельности (ст. 75 закрепляющая основы деятельности Банка России; ст. 114 Правительства Российской Федерации; ст. 102–103 палат Федерального Собрания);
- инструментальный уровень: нормы, закрепляющие правовые формы и методы финансовой деятельности (ст. 57, 75, 104, 106) [7, с. 83].

Особо следует выделить взаимопроникновение управленческих и финансовых начал на институциональном уровне. Правительство Российской Федерации одновременно является и органом общей компетенции в сфере управления, и ведущим субъектом бюджетно-финансовой деятельности, что позволяет характеризовать его как ключевой «узел связи» двух систем.

Правительство Российской Федерации занимает центральное положение в механизме осуществления исполнительной власти, что обусловлено его конституционно-правовым статусом. В соответствии со статьёй 110 Конституции Российской Федерации именно на Правительство возлагается осуществление исполнительной власти в государстве. Вместе с тем, специфика российской модели организации публичной власти заключается в том, что Правительство Российской Федерации функционирует под общим руководством Президента Российской Федерации. Данное обстоятельство обуславливает особый характер его правового положения: выступая самостоятельным органом исполнительной власти, Правительство одновременно является важнейшим институтом реализации стратегических решений и политического курса, определяемых главой государства.

Федеральный конституционный закон от 06.11.2020 № 4-ФКЗ «О Правительстве Российской Федерации» (в редакции от 28.12.2025) конкретизирует конституционные положения, определяя статус, состав и порядок деятельности высшего органа исполнительной власти. С 1 января 2026 г. вступили в силу изменения, внесенные Федеральным конституционным законом от 28.12.2025 № 6-ФКЗ, которые скорректировали механизм представления сведений о доходах членов Правительства, заменив ежегодное декларирование системой непрерывного контроля с использованием государственной информационной системы «Посейдон» [6, с. 215]. Указанная новелла в равной мере затрагивает и управленческую, и финансовую сферы, будучи направленной на повышение прозрачности деятельности высших должностных лиц и предотвращение конфликта интересов.

Компетенция Правительства, закрепленная в статье 114 Конституции Российской Федерации, может быть разделена на два крупных блока — управленческий и финансовый.

Управленческий блок охватывает:

- 1) проведение единой государственной политики в области культуры, науки, образования, здравоохранения, социального обеспечения, экологии (пункт «в»);
- 2) осуществление управления федеральной собственностью (пункт «г»);
- 3) реализацию мер по обеспечению обороны страны, государственной безопасности, внешней политики (пункт «д»);
- 4) меры по обеспечению законности, прав и свобод граждан, охране собственности и общественного порядка, борьбе с преступностью (пункт «е»).

Финансовый блок включает:

- 1) разработку и представление Государственной Думе федерального бюджета, обеспечение его исполнения, а также представление отчета об исполнении (пункт «а»);
- 2) обеспечение единой финансовой, кредитной и денежной политики (пункт «б»).

Из приведенного перечня видно, что финансовые полномочия Правительства не являются чем-то внешним по отношению к управленческим; напротив, они служат необходимой предпосылкой реализации большинства направлений государственной политики. Например, проведение единой политики в социальной сфере невозможно без соответствующего бюджетного финансирования, а управление федеральной собственностью — без анализа доходов и расходов.

Особого внимания заслуживает пункт «ж» статьи 114, согласно которому Правительство осуществляет иные полномочия, возложенные на него Конституцией, федеральными законами и указами Президента. Эта норма выполняет роль «гибкого звена», обеспечивающего адаптацию компетенции высшего исполнительного органа к меняющимся экономическим и политическим условиям. Именно на основе данной нормы Правительство участвует в реализации национальных проектов, распоряжается средствами Фонда национального благосостояния, координирует работу федеральных министерств и ведомств в финансовой сфере [7, с. 92].

Существенно и то, что Правительство реализует свои полномочия через систему издаваемых им правовых актов (постановлений и распоряжений), обязательных к исполнению на всей территории Российской Федерации (ст. 115), а также через общее руководство деятельностью федеральных органов исполнительной власти, за исключением тех, руководство которыми осуществляет Президент Российской Федерации (ч. 3 ст. 110). Таким образом, Правительство одновременно выступает субъектом стратегического планирования (разрабатывает бюджет, государственные программы) и оперативным управленческим центром, что подчеркивает неразрывность управленческих и финансовых начал в его работе.

Исключительно важную роль в интерпретации и развитии конституционных основ как управленческой, так

и финансовой деятельности играет Конституционный Суд Российской Федерации, чьи правовые позиции не только разрешают определенные споры, но и формируют общеобязательные ориентиры для законодателя и правоприменителя.

Применительно к финансовой деятельности показательное Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.11.2025 № 37-П по делу о проверке конституционности статьи 11 Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». Суд выявил существенный пробел в регулировании порядка уплаты взносов, уплачиваемых финансовыми организациями в фонд финансирования деятельности финансового уполномоченного. Отсутствие четких критериев пересмотра ставок взносов и недостаточность процессуальных гарантий для подконтрольных субъектов были расценены как нарушение конституционного принципа соразмерности ограничения прав (ст. 55 Конституции). Федеральному законодателю предписано устранить неопределенность, а до внесения изменений в закон установлены временные правила [8]. Тем самым Конституционный Суд не только защитил конституционные права, но и скорректировал финансовую управленческую практику.

Еще одним значимым актом стало Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27.02.2025 № 14-П, в котором Суд разграничил конституционное понятие «налоги и сборы» (ст. 57) и иные обязательные публичные платежи, имеющие иную правовую природу. Правовая позиция Суда ориентирует как законодателя, так и правоприменительные органы на необходимость четкого определения правового режима каждого вида фискальных изъятий, что непосредственно влияет на управление государственными финансами и защиту прав налогоплательщиков.

В сфере управленческой деятельности сохраняют актуальность более ранние правовые позиции Конституционного Суда, касающиеся разграничения полномочий между федеральными органами исполнительной власти и органами власти субъектов Российской Федерации, а также гарантий самостоятельности местного самоуправления во взаимоотношениях с государственными органами [3, с. 91]. В совокупности приведенные решения демонстрируют, что судебное конституционное толкование придает системе конституционных основ динамизм и способность реагировать на вызовы времени, сохраняя при этом внутреннюю согласованность.

Проведенное исследование позволяет констатировать, что система конституционных основ управленческой и финансовой деятельности представляет собой целостное нормативное образование, внутри которого управленческие и финансовые начала взаимосвязаны и взаимообусловлены. Общие организационные полномочия, рассредоточенные по тексту Конституции Российской Федерации, задают институциональный каркас, в котором протекает финансовая деятельность; финансовые же

нормы обеспечивают ресурсную базу для реализации управленческих решений.

Центральным элементом, соединяющим обе сферы, выступает Правительство Российской Федерации, чья компетенция, закрепленная в статье 114 Конституции, охватывает как общеуправленческие, так и финансово-бюджетные функции. Текущая динамика законодательства и судебной практики свидетельствует о непрерывном развитии данной системы, её адаптации к современным

вызовам, включая процессы цифровизации и внедрение новых информационных технологий.

Перспективы дальнейших исследований видятся в углубленном анализе конституционных основ цифрового государственного управления и его влияния на финансовую деятельность, что становится особенно актуальным в контексте применения государственных информационных платформ и новых инструментов бюджетного планирования.

Литература:

1. Авакьян С. А. Конституционное право России. Учебный курс: в 2 т. Т. 1: Учебное пособие. — 7-е изд., перераб. и доп. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 864 с.
2. Козлова Е. И., Кутафин О. Е. Конституционное право России: учебник. — 5-е изд., перераб. и доп. — М.: Проспект, 2024. — 578 с.
3. Богданова Н. А. Система науки конституционного права. — М.: Юрист, 2001. — 256 с.
4. Хабриева Т. Я., Андриченко Л. В., Боголюбов С. А. и др. Конституция Российской Федерации: от образа будущего к реальности (к 20-летию Основного Закона России): монография / под ред. Т. Я. Хабриевой. — М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ: Юриспруденция, 2013. — 400 с.
5. Крохина Ю. А. Финансовое право России: учебник. — 7-е изд., перераб. — М.: Норма: ИНФРА-М, 2024. — 568 с.
6. Ноздрачев А. Ф., Тихомиров Ю. А. Исполнительная власть в Российской Федерации: научно-практическое пособие. — М.: БЕК, 1996. — 258 с.
7. Крохина Ю. А. Влияние Конституции Российской Федерации на системообразующие категории финансового права // Конституционное и муниципальное право. — 2024. — № 4. — С. 55–60.
8. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13.11.2025 № 37-П по делу о проверке конституционности статьи 11 Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг». — Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

Особенности административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел в условиях реформирования государственной службы

Акимова Инесса Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Ганджалян Тигран Камсарович, студент магистратуры;

Брусенцов Александр Алексеевич, студент магистратуры;

Шатненко Евгений Сергеевич, студент магистратуры;

Позыгун Сергей Владимирович, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена анализу специфики правового регулирования статуса сотрудников органов внутренних дел как особой категории государственных служащих. Рассматриваются особенности правового регулирования службы в органах внутренних дел, анализируются права, обязанности и гарантии сотрудников, а также их ответственность как элемент административно-правового статуса. Автором выявляются актуальные проблемы реализации административно-правового статуса сотрудников ОВД в условиях современного реформирования государственной службы.

Ключевые слова: административно-правовой статус, сотрудник органов внутренних дел, государственная служба, права и обязанности, ответственность, правовое регулирование.

Сотрудники органов внутренних дел занимают особое место в системе государственной службы Российской Федерации. Выполняя функции по защите прав и свобод человека и гражданина, охране общественного порядка и обеспечению общественной безопасности, они являются важнейшим элементом механизма реализации государственной власти. В условиях продолжающегося реформирования системы Министерства внутренних дел Российской Федерации, централизации кадровых функций и планируемого сокращения штатной численности, вопросы правового регулирования административно-правового статуса сотрудников ОВД приобретают особую актуальность [1, с. 12].

Специфика правового регулирования службы в органах внутренних дел обусловлена особым характером выполняемых сотрудниками задач, сопряженных с применением мер государственного принуждения, ограничением прав и свобод граждан, а также наличием повышенных рисков и угроз для жизни и здоровья. В отличие от государственных гражданских служащих, правовой статус которых регулируется преимущественно Федеральным законом № 79-ФЗ, сотрудники органов внутренних дел руководствуются специальным законодательством, в первую очередь Федеральным законом от 30.11.2011 № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [2].

Указанный Закон закрепляет существенные особенности правового статуса сотрудников органов внутренних дел. К числу таких особенностей относятся: специальный порядок поступления на службу, включающий обязательное прохождение медико-психологического освидетельствования и специальной проверки; особый порядок присвоения специальных званий; расширенный перечень ограничений и запретов, связанных со службой; повышенные требования к дисциплине и профессиональной подготовке; специальные гарантии социальной защиты, включая обязательное государственное страхование и право на единовременную социальную выплату для приобретения жилья [3, с. 56].

Структура административно-правового статуса сотрудника органов внутренних дел включает те же элементы, что и статус иных государственных служащих, однако их содержание имеет существенную специфику. Права сотрудников ОВД включают не только общие права, предусмотренные трудовым законодательством, но и специальные права, связанные с выполнением оперативно-служебных задач (право на применение физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия, право на доступ к сведениям, составляющим государственную тайну, и др.) [4, с. 41]. Обязанности сотрудников также имеют особенности, проявляющиеся в требовании быть готовым к выполнению служебных задач в любое время суток, соблюдать принцип публичности и открытости,

а также нести ответственность за действия, совершенные при выполнении служебных обязанностей.

Государственные гарантии, предоставляемые сотрудникам органов внутренних дел, призваны компенсировать повышенные риски и ограничения, связанные со службой. К числу основных гарантий относятся: денежное довольствие, включающее оклад по должности и оклад по специальному званию, а также дополнительные выплаты; жилищное обеспечение; медицинское и санаторно-курортное обеспечение; обязательное государственное страхование жизни и здоровья; пенсионное обеспечение [5]. Однако, как показывает практика, существующие гарантии не всегда обеспечивают достойный уровень социальной защиты сотрудников, что негативно сказывается на престиже службы и приводит к текучести кадров. В этой связи следует отметить, что Федеральным законом от 19.07.2011 № 247-ФЗ «О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел» (в редакции от 15.12.2025) предусмотрена индексация размера ежемесячной денежной компенсации, однако, по мнению ряда исследователей, этого недостаточно для полноценной компенсации особых условий службы [5].

Ответственность сотрудников органов внутренних дел как элемент административно-правового статуса имеет двойственную природу. С одной стороны, сотрудники несут общую дисциплинарную ответственность за нарушения служебной дисциплины в порядке, установленном Федеральным законом № 342-ФЗ и Дисциплинарным уставом органов внутренних дел. С другой стороны, они могут быть привлечены к административной ответственности на общих основаниях как физические лица. Однако на практике возникают коллизии, связанные с конкуренцией норм о дисциплинарной и административной ответственности, а также со сложностью привлечения сотрудников к ответственности за совершение административных правонарушений в связи с особым правовым статусом [6, с. 88]. При этом законодательство не устанавливает обязанности руководителя привлечь сотрудника к ответственности за дисциплинарный проступок, относя решение этого вопроса к его усмотрению, что создает дополнительные риски избирательного правоприменения.

Анализ практики реализации административно-правового статуса сотрудников органов внутренних дел позволяет выделить следующие проблемы.

Во-первых, сохраняется диспропорция между объемом прав и обязанностей сотрудников. При значительном объеме обязанностей и жестких ограничениях права

сотрудников не всегда обеспечены эффективными механизмами реализации и защиты.

Во-вторых, нерешенной остается проблема недостаточного уровня денежного довольствия при высокой степени ответственности и ненормированном рабочем дне, что ведет к снижению мотивации и текучести кадров.

В-третьих, механизмы привлечения сотрудников органов внутренних дел к ответственности нуждаются в совершенствовании. Отсутствие четкого разграничения между дисциплинарной и административной ответственностью порождает правовую неопределенность и затрудняет правоприменительную практику.

В-четвертых, практика применения положений об ограничениях и запретах выявляет их избыточность и не всегда оправданную жесткость, что создает трудности для добросовестных сотрудников [7, с. 29].

Особого внимания заслуживает продолжающееся реформирование системы МВД России. В рамках масштабной реформы, анонсированной в последние годы, предусматривается оптимизация штатной численности и пересмотр требований к сотрудникам. Указанные преобразования требуют пересмотра подходов к правовому регулированию статуса сотрудников, усиления гарантий их правовой и социальной защиты в условиях организационно-штатных изменений [6, с. 88–90].

Указанные преобразования требуют пересмотра подходов к правовому регулированию статуса сотрудников, усиления гарантий их правовой и социальной защиты в условиях оптимизации штатов.

С учетом выявленных проблем представляется необходимым совершенствование законодательства о службе в органах внутренних дел по следующим направлениям: усиление гарантий правовой и социальной защиты сотрудников, включая повышение размера денежного довольствия и эффективности жилищного обеспечения; оптимизация перечня ограничений и запретов с целью устранения избыточных требований; унификация и разграничение механизмов дисциплинарной и административной ответственности; повышение эффективности механизмов внесудебной защиты прав сотрудников.

Таким образом, административно-правовой статус сотрудников органов внутренних дел характеризуется значительной спецификой, обусловленной особым характером выполняемых задач. Выявленные проблемы реализации статуса требуют системных законодательных решений, направленных на повышение эффективности деятельности органов внутренних дел и обеспечение надлежащих условий службы их сотрудников.

Литература:

1. Административное право России: учебник / под ред. Н. Ю. Хаманевой. — М.: Проспект, 2023. — 512 с.
2. О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30.11.2011 № 342-ФЗ (ред. от 29.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 49 (ч. 1). — Ст. 7020. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_122329/ (дата обращения: 23.06.2026).

3. О полиции: Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 7. — Ст. 900. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_110165/ (дата обращения: 23.06.2026).
4. Бахрах Д. Н. Административное право России: учебник / Д. Н. Бахрах. — М.: Норма, 2022. — 640 с.
5. О социальных гарантиях сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 19.07.2011 № 247-ФЗ (ред. от 15.12.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 30 (ч. 1). — Ст. 4595. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_116634/ (дата обращения: 23.06.2026).
6. Старостин С. А. Административно-правовой статус сотрудников органов внутренних дел / С. А. Старостин // Административное право и процесс. — 2024. — № 3. — С. 85–93.
7. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2024): утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2024. — № 8. — С. 25–32. — URL: <https://www.vsrfl.ru/> (дата обращения: 23.06.2026).

Понятие и виды правонарушений в области страхования

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Мунтаев Санат Ермакович, студент магистратуры;

Ткаченко Наталья Васильевна, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается понятие правонарушения в сфере страхования, анализируются его сущностные признаки и предлагается классификация по различным основаниям. На основе анализа нормативных источников и судебной практики выделяются группы правонарушений, посягающих на публичный порядок осуществления страховой деятельности, а также деяния, направленные против имущественных интересов участников страховых отношений. Особое внимание уделяется проблеме разграничения административных и уголовно наказуемых деяний, в том числе мошенничества в сфере страхования.

Ключевые слова: *страхование, правонарушение, страховое мошенничество, лицензионные требования, административная ответственность, страховое возмещение.*

Страхование как системообразующий элемент финансовой инфраструктуры современного государства выполняет не только компенсационную, но и инвестиционную, социально-стабилизирующую функцию. Формируемые страховыми организациями резервы представляют собой мощный финансовый потенциал, а эффективность страховой защиты напрямую влияет на уровень экономической безопасности общества. Вместе с тем специфика страховых отношений, основанных на доверии сторон, оценке вероятностных рисков и сложном документообороте, создает благоприятную среду для совершения широкого спектра правонарушений — от нарушений процедурных требований до тяжких имущественных преступлений.

Понятие правонарушения в области страхования носит межотраслевой характер и охватывает виновные, противоправные деяния, совершаемые субъектами страхового дела либо иными участниками страховых правоотношений, причиняющие вред охраняемым законом интересам в сфере страхования. Юридическая конструкция такого правонарушения включает традиционные элементы состава: объект (общественные отношения в сфере страхования), объективную сторону (конкретные действия или бездействие), субъект (вменяемое лицо, достигшее установленного возраста) и субъективную сторону

(вину). При этом множественность нормативных источников, регулирующих как организацию страхового дела, так и отдельные виды страхования, обуславливает разнообразие видов правонарушений и мер ответственности за их совершение.

Система источников, определяющих понятие и виды правонарушений в области страхования, включает акты различной юридической силы. Базовым актом выступает Закон РФ от 27 ноября 1992 г. № 4015-1 «Об организации страхового дела в Российской Федерации», который устанавливает общие требования к субъектам страхового дела и закрепляет их обязанность соблюдать страховое законодательство [1]. Как справедливо отмечается в судебной практике, издание отдельного нормативного акта, содержащего лицензионные требования к страховой деятельности, действующим законодательством не предусмотрено, под лицензионными условиями следует понимать непосредственно требования страхового законодательства, включая нормативные акты Банка России [2, с. 47–51].

Особое значение имеет Гражданский кодекс РФ (глава 48 «Страхование»), регламентирующий договорные отношения сторон и условия наступления ответственности. Специализированные законы — Федеральный закон «Об обязательном страховании гражданской ответ-

ственности владельцев транспортных средств» (ОСАГО), Федеральный закон от 24 июля 1998 г. № 125-ФЗ «Об обязательном социальном страховании от несчастных случаев на производстве и профессиональных заболеваний» и другие — устанавливают составы правонарушений применительно к конкретным видам страхования.

Наконец, Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях (КоАП РФ) и Уголовный кодекс РФ (УК РФ) содержат составы деяний, посягающих на установленный порядок осуществления страховой деятельности и имущественные интересы участников страховых отношений.

Традиционно правонарушения в сфере страхования подразделяются на три группы в зависимости от характера юридической ответственности: административные, уголовные и финансовые (налоговые) правонарушения. Такое деление отражает различную степень общественной опасности деяний и соответствующий им порядок привлечения к ответственности.

Наиболее распространённую группу составляют административные правонарушения, посягающие на установленный законом порядок осуществления страховой деятельности. Ключевым составом является часть 3 статьи 14.1 КоАП РФ, предусматривающая ответственность за осуществление предпринимательской деятельности с нарушением условий, предусмотренных специальным разрешением (лицензией) [3]. Применительно к страхованию данная норма охватывает широкий круг нарушений:

- нарушение сроков признания события страховым случаем и осуществления страховой выплаты;
- нарушение правил добровольного или обязательного страхования, утверждённых страховщиком и представленных в орган страхового надзора для получения лицензии;
- несоблюдение требований к организации внутреннего контроля и иных обязанностей, возложенных на субъектов страхового дела.

Судебная практика исходит из того, что нарушение правил страхования является нарушением лицензионных требований, поскольку данные правила являются составной частью страхового законодательства, а их соблюдение — условием осуществления лицензируемой деятельности. При этом требование соблюдать страховое законодательство является общим независимо от вида страхования (обязательное или добровольное), что исключает возможность дифференциации ответственности в зависимости от характера страховых отношений [4, с. 162–164].

В сфере обязательного страхования гражданской ответственности владельцев транспортных средств выделяются самостоятельные составы административных правонарушений. Так, часть 2 статьи 12.37 КоАП РФ устанавливает ответственность за управление транспортным средством, владелец которого не застраховал риск гражданской ответственности, в виде штрафа в размере 800 рублей. Управление транспортным средством в период, не предусмотренный страховым полисом, или лицом,

не вписанным в полис, влечёт штраф в размере 500 рублей (часть 1 статьи 12.37 КоАП РФ), а отсутствие при себе страхового полиса — предупреждение или штраф в размере 500 рублей (часть 2 статьи 12.3 КоАП РФ) [3].

Специфическую группу составляют правонарушения в сфере обязательного социального страхования. В соответствии со статьёй 36 Федерального закона о страховых взносах, нарушением признаётся виновно совершенное противоправное деяние (действие или бездействие) плательщика страховых взносов или банка, за которое установлена ответственность. Аналогичное определение содержится в статье 26.22 Федерального закона № 125-ФЗ применительно к страхованию от несчастных случаев на производстве и профзаболеваний. К числу таких нарушений относятся: нарушение срока регистрации в качестве страхователя (штраф от 5 до 10 тысяч рублей), неуплата или неполная уплата страховых взносов (штраф в размере 20% причитающейся суммы, а при умышленном совершении — 40%), непредставление сведений о начисленных взносах.

Уголовно наказуемые деяния в сфере страхования облагают повышенной общественной опасностью и посягают как на имущественные интересы участников страхования, так и на установленный порядок экономической деятельности.

Центральное место занимает мошенничество в сфере страхования, предусмотренное статьёй 159.5 УК РФ. Объективную сторону данного преступления образует хищение чужого имущества путём обмана относительно наступления страхового случая, а также размера страхового возмещения, подлежащего выплате в соответствии с законом или договором. Для квалификации по данной статье необходимо установить прямой умысел лица и заведомо ложный характер сообщаемых сведений. Если недостоверная информация представлена ошибочно, при отсутствии осознания её ложности, состав преступления отсутствует [5].

Наиболее распространённые способы совершения страхового мошенничества включают:

- инсценировку дорожно-транспортного происшествия;
- умышленное уничтожение или повреждение застрахованного имущества (поджог транспортного средства, имитацию возгорания);
- фальсификацию документов, подтверждающих наступление страхового случая или размер ущерба;
- предоставление ложных сведений при заключении договора страхования, влияющих на оценку риска.

Особую проблему представляет квалификация деяний на стадии приготовления. Если инсценировка страхового случая выявлена до обращения за страховой выплатой, содеянное может быть квалифицировано как приготовление к преступлению по части 1 статьи 30 и части 4 статьи 159.5 УК РФ (при совершении организованной группой либо в особо крупном размере) [6, с. 99–101].

Помимо мошенничества, в литературе выделяются иные преступления, сопутствующие страховой деятель-

ности либо совершаемые с её использованием: незаконное предпринимательство (ст. 171 УК РФ), лжепредпринимательство (ст. 173 УК РФ), неправомерные действия при банкротстве (ст. 195 УК РФ), подделка документов (ст. 327 УК РФ). Использование поддельного полиса ОСАГО при отсутствии цели незаконного получения страховой выплаты квалифицируется как подделка документа по статье 327 УК РФ [6, с. 99–101].

В доктрине предпринимались попытки систематизировать правонарушения в сфере страхования по иным критериям. М. С. Жилкина предложила деление всех преступлений в сфере страхования на две основные группы: направленные против страховщика и направленные против страхователя. Преступления первой группы, в свою очередь, подразделяются на внутрифирменные (совершаемые сотрудниками страховых компаний) и внешние (совершаемые страхователями, выгодоприобретателями и страховыми посредниками) [7, с. 121–125].

Иной подход, представленный в работах Н. Ф. Галагузы и В. Д. Ларичева, дифференцирует противоправные деяния в зависимости от того, от кого исходит угроза: от страховщика и иных лиц по отношению к страхователю либо от страхователя и иных лиц по отношению к страховщику. К числу угроз страхователю от страховщика отнесены мошенничество, незаконное предпринимательство, лжепредпринимательство, преднамеренное и фиктивное банкротство, неправомерные действия при банкротстве. Угрозы страховщику включают мошенничество, заведомо ложный донос, заведомо ложные показания, служебный подлог, злоупотребление полномочиями [7, с. 126–128].

Т. Т. Перова предложила классификацию, основанную на конкретных схемах противоправных действий: махинации со страховками (инсценировки аварий, фальшивые счета), страхование имущественных интересов после наступления страхового события, фальсификация информации при заключении договора, одновременное страхование одного лица в разных компаниях, завышение страховой суммы — со стороны страхователей; сокрытие доходов от налогообложения, ложное банкротство, инсценировка страховых случаев, завышение тарифов — со стороны страховщиков [7, с. 131–146].

Систематизация Д. В. Федоткина акцентирует внимание на формах преступной деятельности страховщика: создание фиктивных страховых организаций, страховых «пирамид», изготовление поддельных документов, заведомое принятие страховых обязательств, не обеспеченных активами, проведение операций, не отвечающих сущности страхования, осуществление деятельности без лицензии, преднамеренное и фиктивное банкротство страховщика [7, с. 131–146].

Анализ доктринальных подходов и судебной практики позволяет выделить ряд системных проблем в сфере правовой квалификации правонарушений в области страхования.

Во-первых, отсутствует методологически выверенная систематизация преступлений в сфере страхования, ос-

нованная на их генетической связи с отношениями страхования. Имеющиеся классификации носят преимущественно искусственный характер, что затрудняет научное осмысление социально-юридической природы данных преступлений и разработку эффективных мер противодействия им. Как справедливо отмечается в литературе, без чёткого понимания границ предмета исследования остаются вне поля зрения такие деяния, как убийство застрахованного лица с целью получения страхового возмещения или умышленное уничтожение имущества [7, с. 146–168].

Во-вторых, высокий уровень латентности страхового мошенничества обусловлен сложностью выявления признаков противоправных деяний на ранних стадиях. Мошеннические схемы, реализуемые как страхователями, так и страховщиками, зачастую внешне не отличаются от законных страховых операций. Это требует совершенствования механизмов ведомственного и межведомственного контроля, а также внедрения современных методов финансового мониторинга.

В-третьих, вызывает дискуссию вопрос о соотношении административной и уголовной ответственности за нарушение лицензионных требований. Если нарушение сроков выплаты страхового возмещения в судебной практике последовательно квалифицируется как административное правонарушение по части 3 статьи 14.1 КоАП РФ, то при систематическом и грубом характере таких нарушений возникает вопрос о возможной уголовно-правовой оценке деяний должностных лиц страховщика [6, с. 99–101].

Представляется целесообразным ужесточение контроля за соблюдением требований в сфере обязательного страхования, в том числе путём расширения полномочий Банка России по проведению внеплановых проверок. Одновременно назрела необходимость в разработке единой методики выявления и расследования страхового мошенничества, учитывающей специфику различных видов страхования.

Таким образом, правонарушения в области страхования представляют собой сложный, многоаспектный правовой феномен, охватывающий деяния различной степени общественной опасности — от нарушения процедурных сроков до тяжких имущественных преступлений. Их систематизация возможна по нескольким основаниям: отраслевой принадлежности (административные, уголовные, финансовые правонарушения), субъектному составу (деяния страховщиков, страхователей, посредников), направленности (против страховщика либо против страхователя) и способу совершения.

Современное состояние нормативного регулирования и правоприменительной практики характеризуется наличием устойчивых подходов к квалификации наиболее распространённых нарушений (прежде всего, связанных с лицензионными требованиями и страховым мошенничеством). Вместе с тем сохраняется потребность в системном научном осмыслении феномена страховых правонарушений, разработке методологически обосно-

ванных классификаций и совершенствовании механизмов выявления и предупреждения противоправных деяний в данной сфере. Решение этих задач имеет не только

теоретическое, но и прикладное значение для повышения эффективности страховой защиты и обеспечения финансовой безопасности государства.

Литература:

1. Закон РФ от 27 ноября 1992 г. N 4015-I (ред. от 9.04.2026 г.) «Об организации страхового дела в Российской Федерации» // «Российская газета» от 12 января 1993 г. N 6
2. Нарушения в сфере добровольного страхования. Приложение к Энциклопедии судебной практики: Обзор судебной практики // <https://base.garant.ru/57592987/> — Текст: электронный.
3. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ (ред. от 02.05.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
4. Глотов Д. В., Минаев А. В. Квалификация правонарушений в страховой сфере // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2023. № 5–1 (80). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kvalifikatsiya-pravonarusheniy-v-strahovoy-sfere> (дата обращения: 23.06.2026).
5. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (ред. от 9.04.2026 г.) // Собрание законодательства РФ. — 1996. — № 25. — Ст. 2954.
6. Никитин В. О. Уголовная ответственность за преступления в сфере страхования // Инновационная наука. 2022. № 11–2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/ugolovnaya-otvetstvennost-za-prestupleniya-v-sfere-strahovaniya> (дата обращения: 23.06.2026).
7. Боровских Р. Н. Теоретические основы и прикладные аспекты расследования преступлений в сфере страхования: 12.00.12: дис... д-ра юрид. наук, Москва, 2018. С. 271.

Зарубежный опыт правового регулирования административной ответственности в сфере страхования

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Мунтаев Санат Ермакович, студент магистратуры;

Ткаченко Наталья Васильевна, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется зарубежный опыт правового регулирования административной ответственности в сфере страхования на примере Германии, Франции, Великобритании, Италии и Испании. Исследуются особенности институциональной организации страхового надзора, процедурные аспекты применения административных санкций и их соотношение с принципами публичного порядка. Особое внимание уделяется проблеме страхуемости административных штрафов, а также разграничению компетенции надзорных органов государств-членов ЕС в контексте трансграничной страховой деятельности.

Ключевые слова: страхование, административная ответственность, страховой надзор, зарубежный опыт, страхуемость штрафов, трансграничная деятельность.

Актуальность сравнительного анализа зарубежного опыта административной ответственности в сфере страхования обусловлена необходимостью совершенствования отечественной системы страхового надзора в условиях интеграции финансовых рынков и унификации регуляторных подходов.

В правовом порядке зарубежных стран сложились различные модели административной ответственности в сфере страхования, отражающие национальные правовые традиции, особенности организации страхового надзора и подходы к соотношению публичных и частных интересов. Институциональная структура надзора определяет процедуру применения административных санкций, а принципы публичного порядка задают границы допу-

стимости переложения финансового бремени штрафов на страховщиков [1, с. 43–45].

В странах Европейского Союза можно выделить несколько принципиально различных подходов к организации надзора и применению административных санкций. Показательным примером государства с развитой системой страхового надзора, основанной на самостоятельном нормативно-правовом акте — Законе «О надзоре за страховыми организациями» (Versicherungsaufsichtsgesetz — VAG), является Германия [1, с. 43–45]. Этот акт содержит детальный перечень штрафов и санкций. С 1 мая 2002 года страховой надзор в Германии осуществляется мегарегулятором — Федеральным ведомством по финансовому надзору (BaFin), созданным на базе трех ранее

самостоятельных ведомств. BaFin насчитывает 2535 сотрудников и контролирует 573 страховые организации, что позволяет осуществлять эффективный надзор за соблюдением страхового законодательства.

Особенностью германской модели является двухуровневый характер страхового надзора. На федеральном уровне действует BaFin, подотчетный Министерству финансов, а на уровне федеральных земель — региональные надзорные органы, контролирующие государственных страховщиков, действующих на конкретной территории, и небольшие частные страховые организации. Параллельно существует Федеральное ведомство по страхованию, осуществляющее надзор за социально ориентированными страховыми институтами — фондами государственного страхования здоровья, пенсий, страхования от несчастных случаев и безработицы — и подотчетное Министерству труда и социальных отношений.

В задачи BaFin входит сбор информации о ведении страховых операций, анализ финансовой документации на предмет выявления нарушений, а также принятие мер в отношении нарушителей в кратчайшие сроки. Орган надзора уделяет особое внимание соблюдению страховщиками пяти существенных норм: ведение страхового бизнеса на законных основаниях; обеспечение страхователей страховыми выплатами и бонусами в срок и в полном объеме; установление экономически обоснованных страховых тарифов и премий; инвестирование страховых резервов на условиях надежности, диверсификации и доходности; соблюдение правил ведения управленческого и бухгалтерского учета. При нарушении требований по поддержанию ликвидности страховщик обязан выполнять предписания органа надзора по восстановлению платежеспособности, а BaFin вправе проводить проверки на местах.

Исследователи отмечают, что германский опыт демонстрирует эффективность жесткого регулирования рынка страховых услуг, основанного на четкой нормативной регламентации и широких полномочиях надзорного органа [1, с. 43–45]. Отличительной чертой является то, что финансирование расходов BaFin осуществляется за счет страховщиков и их обязательных отчислений от страховых премий, что обеспечивает финансовую независимость регулятора.

Иной подход к регулированию демонстрирует Франция, чья правовая система внесла значительный вклад в развитие доктрины административной ответственности в сфере страхования. Ключевым событием стало разъяснение Французского управления по пруденциальному надзору и урегулированию (ACPR), опубликованное в марте 2025 года, которым подтверждено, что административные финансовые санкции являются нестрахуемыми по французскому праву [2]. Правовая позиция ACPR основана на двух фундаментальных принципах: охрана публичного порядка и индивидуальная ответственность.

Согласно французскому праву, договоры не могут отступать от норм публичного порядка, а любые договорные

нарушения таких императивных норм влекут ничтожность. Кроме того, французская юриспруденция, включая заключение Государственного совета, исходит из того, что административные санкции в силу их карательной и превентивной природы должны лично возлагаться на нарушившую организацию. Допущение страхования таких санкций нивелировало бы их предупредительный эффект. Исторически вопрос о страхуемости административных штрафов оставался дискуссионным, однако новое разъяснение ACPR решило эту неопределенность, подтвердив нестрахуемость всех административных санкций независимо от формы вины. Применительно к защите данных это означает, что штрафы CNIL и санкции за нарушение кибербезопасности не могут быть застрахованы [2].

В свою очередь, в Великобритании вопрос страхуемости административных штрафов также решается через призму публичного порядка, однако с учетом принципа пропорциональности и оценки тяжести нарушения. Управление по финансовому регулированию и надзору (FCA) прямо запрещает регулируемым фирмам страховать регуляторные штрафы, считая такое страхование противоречащим публичному порядку, поскольку оно подрывает сдерживающий эффект санкций. Прецедентное право поддерживает этот ограничительный подход.

Так, в деле *Safeway Stores Ltd v Twigger* Апелляционный суд постановил, что компания не может взыскать штрафы за нарушение конкурентного законодательства, когда штрафы стали результатом умышленного противоправного поведения компании, подчеркнув, что допущение такого возмещения противоречило бы публичному порядку [3]. В более позднем деле *Patel v Mirza* Верховный суд указал на необходимость учета следующих факторов перед применением публично-правовой защиты: основная цель нарушенного запрета; иные публичные интересы, которые могут быть ослаблены отказом в иске; соразмерность применения защиты с учетом серьезности поведения и его умышленного характера [3]. На практике английские полисы страхования киберрисков и ответственности обычно предусматривают покрытие гражданско-правовых штрафов только в той мере, в какой они «страхуемы по закону».

Вопрос о допустимости страхования административных штрафов является одной из наиболее дискуссионных проблем в европейском страховом праве в целом. Общая тенденция, прослеживаемая в большинстве юрисдикций, заключается в признании административных штрафов нестрахуемыми в силу их карательной природы, особенно когда нарушение носит умышленный характер.

Однако правовые позиции отдельных государств существенно различаются. Если в Германии вопрос страхуемости штрафов остается юридически не урегулированным и оценивается через призму публичного порядка, и хотя отдельные авторы предлагали дифференцированный подход (разграничение умышленных и неосторожных нарушений), эта позиция не получила широкого

признания, а судебная практика отсутствует, то в Италии административные санкции, налагаемые Garante за нарушения защиты данных, также признаются нестрахуемыми согласно принципам публичного порядка.

В то же время Испания демонстрирует более гибкий подход. Хотя в 2008 году испанский страховой регулятор высказал мнение о нестрахуемости административных штрафов, в проекте нового Закона о страховом договоре 2013 года содержался запрет на страхование штрафов, однако в редакции мая 2014 года этот запрет был исключен, что может свидетельствовать о том, что административные штрафы не являются нестрахуемыми, особенно когда они направлены на защиту частных, а не публичных интересов [4, с. 3–15].

В Швейцарии судебная практика исходит из того, что штрафы карательного характера не образуют возмещаемого ущерба и, следовательно, нестрахуемы, однако исключения возможны для так называемых административных санкций в корпоративном уголовном праве, если штраф не имеет карательного характера и выполняет исключительно компенсационную функцию.

Особую сложность представляет вопрос административной ответственности при осуществлении страховой деятельности на трансграничной основе в рамках ЕС. Ключевым нормативным актом является Директива Solvency II (2009/138/EC), статья 155 которой устанавливает принцип: надзор за деятельностью страховщика в основном осуществляется властями государства регистрации. Вместе с тем, статья предусматривает механизм вмешательства принимающего государства. Согласно статье 155, если надзорные органы принимающего государства устанавливают, что страховщик с филиалом или осуществляющий деятельность на основе свободы предоставления услуг не соблюдает правовые положения, действующие в этом государстве, они требуют устранения нарушения. В случае бездействия страховщика надзорные органы информируют органы государства регистрации, которые принимают соответствующие меры. Если меры оказываются неадекватными, надзорные органы принимающего государства могут, проинформировав органы регистрации, принять меры для предотвращения или наказания дальнейших нарушений, вплоть до запрета заключения новых договоров на территории принимающего государства [5].

Актуальность этой нормы демонстрирует дело NOVIS Insurance Company (C-18/24), рассматриваемое Судом ЕС, где Чешский национальный банк наложил штраф на словацкую страховую компанию за нарушения, совершенные в Чешской Республике, а компания оспорила юрисдикцию чешского регулятора, ссылаясь на необходимость соблюдения процедуры, установленной статьей 155 Solvency II [6].

Анализ зарубежного опыта регулирования административной ответственности в сфере страхования позволяет сформулировать ряд рекомендаций для совершенствования российского правового регулирования.

Заслуживает внимания германская модель двухуровневого надзора с четким разграничением полномочий федеральных и региональных органов. В России функции страхового надзора с 2013 года переданы Банку России как мегарегулятору, однако целесообразно закрепить за ним более широкие полномочия административного воздействия на участников страховых отношений, включая возможность инициирования уголовного судопроизводства, что позволит повысить эффективность надзора.

Французский опыт однозначного признания административных санкций нестрахуемыми заслуживает внимания в контексте российской дискуссии о допустимости страхования штрафов, однако следует учитывать, что российская правовая система допускает страхование ответственности за нарушение договорных обязательств, и введение абсолютного запрета может потребовать законодательных изменений. Практика применения статьи 155 Solvency II актуальна для стран ЕАЭС, где действуют соглашения о взаимном признании лицензий и трансграничном доступе на рынки финансовых услуг, поэтому четкое разграничение компетенции надзорных органов и процедура взаимодействия при выявлении нарушений должны быть закреплены на уровне наднационального регулирования.

В России уже предприняты шаги по гармонизации ответственности иностранных страховщиков. Федеральным законом от 1 июля 2021 года [7] административная ответственность за необоснованный отказ от заключения публичного договора страхования распространена на иностранные страховые организации, что созвучно европейскому принципу равного применения санкций ко всем страховщикам, осуществляющим деятельность на национальном рынке.

Таким образом, зарубежный опыт регулирования административной ответственности в сфере страхования демонстрирует многообразие подходов, обусловленных национальными правовыми традициями и особенностями организации страхового надзора.

В Германии сложилась жесткая двухуровневая система надзора с широкими полномочиями регулятора, подкрепленными самостоятельным нормативным актом, содержащим перечень санкций. Во Франции и Великобритании получила развитие доктрина нестрахуемости административных штрафов, основанная на принципах публичного порядка и индивидуальной ответственности, однако с различной степенью определенности и наличием исключений для неосторожных нарушений. Испания и Швейцария демонстрируют более гибкие подходы, допускающие возможность страхования административных санкций в определенных случаях.

Трансграничный аспект административной ответственности регулируется на уровне ЕС статьей 155 Solvency II, устанавливающей приоритет полномочий государства регистрации и процедурные ограничения для вмешательства принимающего государства. Этот опыт может быть полезен при формировании механизмов взаимодействия надзорных органов в рамках ЕАЭС.

Общей тенденцией является усиление требований к внутренним системам контроля страховщиков и их готовности нести административную ответственность за нарушения, при этом страхование административных штрафов рассматривается как подрывающее превентивную функцию санкций. Для российской правовой системы представляет интерес германский опыт

закрепления за регулятором широких полномочий административного воздействия, а также европейские механизмы взаимодействия надзорных органов при трансграничной деятельности, однако вопрос о страхуемости административных санкций требует самостоятельной оценки с учетом особенностей российского страхового права и практики правоприменения.

Литература:

1. Мягкова Ю. Ю. Особенности страхового надзора в Германии // Интеллект. Инновации. Инвестиции. — 2016. — № 3.
2. Clifford Chance. Insurance is not a safety net for administrative sanctions [Электронный ресурс]. — 2025. — 31 March. — URL: <https://www.cliffordchance.com/insights/resources/blogs/talking-tech/en/articles/2025/03/insurance-is-not-a-safety-net-for-administrative-sanctions.html> (дата обращения: 23.06.2026).
3. Dillon Eustace. The Insurability of Regulatory Fines and the Doctrine of Ex Turpi Causa [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.dilloneustace.com/f/220868/x/58addb115c/the-insurability-of-regulatory-fines-and-the-doctrine-of-ex-turpi-causa.pdf>
4. Vázquez de Castro, E. Los seguros con cláusula de cobertura de sanciones. Las pólizas de administradores y directivos (D&O) / E. Vázquez de Castro // *Práctica de Derecho de Daños*. — 2020. — N. ° 143. — P. 3–15.
5. Европейский парламент, Совет Европейского Союза. Directive 2009/138/EC of the European Parliament and of the Council of 25 November 2009 on the taking-up and pursuit of the business of Insurance and Reinsurance (Solvency II) (recast) (Text with EEA relevance) // *Official Journal of the European Union*. — 2009. — 17 December. — L 335. — P. 1–155.
6. Суд Европейского Союза. Решение Суда (четвертая палата) от 22 января 2026 г. по делу C-18/24 NOVIS Insurance Company, NOVIS Versicherungsgesellschaft, NOVIS Compagnia di Assicurazioni, NOVIS Poistovňa a. s. против Česká národní banka // *Официальный журнал Европейского Союза*. — 2026. — 16 марта. — C/2026/1314. — ECLI: <http://data.europa.eu/eli/C/2026/1314/oj>.
7. Федеральный закон от 1 июля 2021 г. N 286-ФЗ «О внесении изменений в статью 15.34.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях» // «Российская газета» от 6 июля 2021 г. N 146.

ГРАЖДАНСКОЕ ПРАВО

Сравнительно-правовой анализ современных форм завещания в России и США

Борисова Валентина Викторовна, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье проводится сравнительно-правовой анализ регулирования форм завещаний в России и США. Рассматривается абсолютный запрет электронных завещаний в российском праве и гибкие подходы американских штатов. Обосновывается возможность легализации в России завещаний, собственноручно написанных на устройствах рукописного ввода, с сохранением почерковедческой экспертизы и введением биометрической защиты от подделок.

Ключевые слова: форма завещания, электронное завещание, собственноручное завещание, системы рукописного ввода, правило безвредной ошибки, почерковедческая экспертиза, цифровизация наследственного права, Россия, США.

Стремительное развитие информационных технологий и цифровая трансформация всех сфер общественной жизни не могли не затронуть институт завещания. Однако подходы к модернизации формы завещания в России и США существенно различаются. Российское законодательство сохраняет консервативную позицию, прямо запрещающую использование электронных или иных технических средств при составлении завещания. Напротив, в США как судебная практика, так и законы отдельных штатов всё чаще признают действительными завещания, созданные с помощью систем рукописного ввода на планшетах и смартфонах. Внедрение электронного документооборота, дистанционных форм взаимодействия граждан с государственными органами и нотариатом, а также распространение технических устройств, таких как, например, планшетов, смартфонов, графических планшетов и т.д., создали объективные предпосылки для пересмотра традиционных представлений о форме завещания [5]. С 1 октября 2019 г. в Гражданском кодексе РФ (далее — ГК РФ) действует прямой запрет на составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств [1]. Данный запрет был введен Федеральным законом от 18 марта 2019 года № 34-ФЗ, несмотря на активное обсуждение предложений о включении в статью 1124 положения о возможности составления электронного завещания [3].

Однако практика показывает, что запрет не всегда соответствует современным реалиям. Граждане все чаще могут использовать технические устройства не только для повседневного общения, но и для фиксации своей последней воли. Особый интерес представляет феномен «офлайн-электронных завещаний», при которых завещатель собственноручно, с помощью специального устройства рукописного ввода, создает и подписывает завещание на электронном носителе. Такие завещания являются

современной версией голографических, иными словами собственноручных, завещаний, сохраняя ключевой признак — собственноручное написание, но меняя материальный носитель [4].

Цель настоящей статьи — на основе сравнительно-правового анализа России и США выявить оптимальные пути легализации завещаний, составляемых с использованием электронных систем рукописного ввода, при сохранении требований собственноручности и защиты от подделок, а также провести сравнительный анализ традиционных форм завещаний, существующих в обеих правовых системах. Однако сравнительно-правовой анализ не ограничивается только электронными завещаниями. Традиционные формы — собственноручные, нотариально удостоверенные, закрытые завещания и завещания, совершаемые в чрезвычайных обстоятельствах, — также имеют существенные различия в России и США. В большинстве штатов США собственноручное завещание, написанное и подписанное наследодателем без свидетелей и нотариуса, признаётся действительным, если текст полностью выполнен рукой завещателя. В России же собственноручное завещание не является самостоятельной формой — даже если текст написан от руки, требуется нотариальное удостоверение. Закрытое завещание в России передается нотариусу в клеенном конверте в присутствии свидетелей, но при этом не требует собственноручного написания — допускается машинопись. В США закрытые завещания регулируются по-разному: одни штаты требуют, чтобы текст был написан рукой завещателя, другие допускают любой способ фиксации, но при обязательном присутствии свидетелей и нотариуса при запечатывании. Такие различия демонстрируют, что американская правовая система в целом более гибко относится к формальным требованиям, отдавая приоритет установлению подлинной воли наследодателя,

тогда как российское право сохраняет жёсткую иерархию форм с доминированием нотариального удостоверения.

Что касается завещаний в чрезвычайных обстоятельствах, то в России допускается совершение простой письменной формы в присутствии двух свидетелей без нотариуса, но такая форма действует ограниченное время и требует последующего подтверждения судом. В США аналогичные механизмы также упрощают формальности, однако многие штаты устанавливают более длительные сроки действия таких завещаний и не требуют обязательной судебной проверки, если нет спора. Сравнительный анализ показывает, что российское регулирование чрезвычайных завещаний ближе к континентальной традиции, тогда как американские подходы варьируются от крайне либеральных до достаточно формальных. Тем не менее, ни в России, ни в США чрезвычайные завещания не могут заменить полноценного нотариального или электронного завещания при нормальных обстоятельствах — они служат лишь исключением. Изучение этих традиционных форм важно для понимания того, насколько радикальным является переход к электронным завещаниям. В США этот переход органично вписывается в уже существующую гибкость, а в России потребует преодоления устоявшегося консерватизма.

В соответствии с пунктом 1 статьи 1124 ГК РФ завещание должно быть составлено в письменной форме и удостоверено нотариусом. Несоблюдение установленных правил о письменной форме завещания и его удостоверении влечет за собой недействительность завещания. Вместе с тем установлен запрет на составление завещания с использованием электронных либо иных технических средств. Данный запрет является абсолютным, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом. Статья 1125 ГК РФ допускает использование технических средств (электронно-вычислительной машины, пишущей машинки) при написании или записи завещания, однако это не означает признания электронной формы завещания. В случаях, когда завещание записывается нотариусом со слов завещателя, могут использоваться технические средства, но итоговый документ должен быть выполнен на бумажном носителе. Таким образом, действующее российское законодательство не признает завещание, существующее исключительно в электронной форме.

Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении от 29 мая 2012 года № 9 «О судебной практике по делам о наследовании» подтвердил, что при несоблюдении требований к письменной форме завещания и его удостоверению завещание является ничтожным [3]. Однако, как справедливо отмечают исследователи, «современное гражданское законодательство вернулось к легальной формуле, известной еще дореволюционному русскому праву: «на случай отсутствия завещания государство определяет порядок наследования по закону» [7]. При этом свобода завещания, провозглашенная в статье 1119 ГК РФ, на практике ограничивается жесткими формальными требованиями. Российская модель, таким образом, отрицает любую электронную форму,

даже если документ собственноручно написан и подписан на устройстве рукописного ввода.

Зарубежные правовые порядки демонстрируют более универсальный подход к форме завещания, что особенно актуально в контексте цифровизации. В странах англосаксонской правовой системы, прежде всего в США, активно применяется правило так называемой «безвредной ошибки». Согласно данному правилу, суд может признать завещание действительным даже при несоблюдении установленных законом формальных требований, если имеются «ясные и убедительные доказательства» того, что наследодатель намеревался использовать соответствующий документ в качестве завещания [11].

Судебная практика США демонстрирует наиболее гибкий подход в данном вопросе. Например, в 2012 году суд штата Огайо признал действительным завещание, написанное и подписанное на электронном планшете в присутствии свидетелей, указав, что закон не требует бумажного носителя, а собственноручность сохранена. Ранее, в 2003 году, суд штата Теннесси признал, что компьютерная подпись приравнена к собственноручной на основании широкого толкования термина «подпись» в уставе штата. А в 2019 году суд штата Мичиган применил правило «безвредной ошибки» и утвердил электронный документ как завещание при доказанном намерении наследодателя, несмотря на несоблюдение формальностей.

В отличие от судебного нормотворчества, штат Невада пошел по пути статутного регулирования. Принятый в 2001 году Устав Невады был изменен в 2017 году: в него были включены конкретные положения для квалифицированных хранителей завещаний, а также определение электронного завещания как завещания, которое создано и хранится в электронном формате и содержит дату и электронную подпись завещателя [13]. Закон требует соблюдения хотя бы одного из следующих условий при составлении такого завещания: наличия в завещании аутентификации (процедуры проверки уникальной характеристики завещателя), которая включает в себя отпечаток пальца, скан сетчатки глаза, распознавание голоса, распознавание лица, видеозапись или цифровую подпись; наличия электронной подписи или электронной печати нотариуса; наличия двух электронных подписей свидетелей [4]. Закон штата Невада также дает нотариусу право заверить электронную подпись лица, составленную без его личного присутствия, с использованием аудио- или видеосвязи. Во Флориде в 2020 году был принят Акт об электронных завещаниях. Согласно закону, электронное завещание должно быть подписано завещателем лично, при этом подпись может быть выполнена с помощью пальца или иных способов, то есть фактически требуется электронная рукописная подпись [14]. В июле 2019 года Национальная конференция уполномоченных по единым законам штатов по законодательству США одобрила акт об электронных завещаниях. Данный акт переводит традиционные формальности завещания — написание, подписание и удостоверение — в электронную среду, позволяя составлять завещание в электронном но-

сителе, электронно подписывать и электронно удостоверить [10]. Таким образом, в США сосуществуют два подхода: судебное признание электронных завещаний через правило «безвредной ошибки» и прямое статутное разрешение электронных завещаний с дополнительными гарантиями. Для сравнительного анализа важно, что оба варианта сохраняют собственноручность как ключевой элемент идентификации завещателя.

В отличие от стран англо-саксонской правовой системы, в российском наследственном праве на сегодняшний день отсутствует какая-либо судебная практика, связанная с признанием действительными завещаний, составленных с использованием электронных систем рукописного ввода. Более того, в отечественных судах не рассматривались дела, затрагивающие вопросы действительности завещаний, существующих исключительно в электронной форме, либо завещаний, подписанных с помощью технических устройств без последующего бумажного дубликата. Это обусловлено прямым законодательным запретом, установленным в пункте 1 статьи 1124 ГК РФ, который не допускает составления завещания с использованием электронных либо иных технических средств.

Как следствие, российские суды, в отличие от судов штатов США, не имели возможности применить по аналогии правило «безвредной ошибки» или иные доктрины, смягчающие формальные требования к завещанию. Отсутствие практики, в свою очередь, тормозит научную дискуссию и формирование предложений по легализации электронных завещаний, поскольку законодатель и правоприменитель лишены эмпирического материала, демонстрирующего как потенциальные преимущества, так и реальные риски таких завещаний в российских реалиях. Сравнительный анализ показывает, что судебное правотворчество США восполняет пробелы статутного права, тогда как в России абсолютный запрет исключает любую судебную дискрецию — это принципиальное различие двух систем.

Несмотря на привлекательность электронных завещаний, их внедрение сопряжено с серьезными рисками. Зарубежные исследователи выделяют несколько потенциальных барьеров для внедрения электронных завещаний: технические, которые напрямую сопряжены с отсутствием программного обеспечения, позволяющего обеспечить достоверную проверку оригинальности завещания и аутентификации завещателя, экономические, выраженные по большей части в больших расходах на внедрение новых технологий, мотивационные, как правило при отсутствии признания потенциальных преимуществ, законодательные, связанные с необходимостью заключения пользовательских соглашений с интернет-провайдерами и наконец киберпреступность, которая способна к взлому баз данных и получению доступа к персональным данным [6]. Наиболее серьезную угрозу представляет развитие технологий искусственного интеллекта (далее — ИИ), способных копировать человеческий почерк. В 2024 году исследователи из ОАЭ сообщили о разработке

технологии копирования рукописного текста для ИИ. Как пишет известное издание Bloomberg, для создания точной копии почерка ИИ понадобится лишь несколько абзацев текста, написанного требующим подделки почерком. Эксперт-графолог Светлана Коваленко отмечает, что «Искусственный интеллект развивается и копирует движения руки, движение штриха. Поэтому с развитием искусственного интеллекта подлинность документов будет доказать гораздо труднее. Здесь надо будет работать более скрупулёзно криминалистам, изучая движения руки на оригинале через микроскоп» [9]. Подделка подписи с помощью ИИ-технологий — это попытка упростить себе рабочие процессы, а реальная угроза. Применительно к завещаниям, возможность создания нейросетью неотличимой от оригинала копии почерка завещателя ставит под вопрос саму возможность достоверного установления подлинности завещания, составленного с использованием электронных систем рукописного ввода. Однако в этом вопросе Россия и США сталкиваются с одинаковой угрозой, и сравнительный анализ показывает, что ни одна из систем не имеет готового ответа — необходимы совместные усилия по развитию криминалистических методов анализа электронных рукописей.

Несмотря на указанные риски, предлагаемая форма завещания имеет ряд существенных преимуществ. Главное преимущество рукописного завещания, выполненного на электронном устройстве, заключается в том, что оно сохраняет все признаки, необходимые для проведения почерковедческой экспертизы. Почерк — это своеобразный идентификатор личности наследодателя. Собственноручно подписанный документ, в первую очередь, защищает от подлога, так как почерк умершего может быть присвоен только конкретному лицу [6]. В отличие от завещаний, полностью набранных на клавиатуре и подписанных электронной подписью, рукописное завещание, даже выполненное на электронном устройстве, содержит динамические характеристики почерка — скорость написания, траекторию движений и т. д. Эти параметры могут быть проанализированы с помощью специализированного программного обеспечения, что позволяет не только идентифицировать исполнителя, но и выявить признаки подделки. Более того, появление нейросетей, способных копировать почерк, не отменяет возможности почерковедческой экспертизы, а, напротив, актуализирует ее. Специалисты-криминалисты могут анализировать почерк по пикселям, выявляя цифровую природу изображения, наличие следов генерации и иные признаки, отличающие сгенерированное изображение от подлинного рукописного текста [9]. Сравнительно-правовой анализ подтверждает, что и Россия, и США могут использовать одну и ту же методическую базу для экспертизы электронных рукописей — это область потенциальной гармонизации.

Предлагаемая форма завещания не требует кардинального пересмотра существующих норм о форме завещания. Требование собственноручного написания и собственноручного подписания сохраняется. Меняется только

материальный носитель. Вместо бумаги — электронное устройство с функцией рукописного ввода. Такой подход позволяет минимизировать законодательные изменения и вписать новую форму в существующую систему. Как и в случае совместного завещания супругов, при составлении завещания с использованием электронных систем рукописного ввода может быть предусмотрена обязательная видеофиксация процедуры. Это создает дополнительные гарантии установления подлинной воли завещателя, а также защищает от принуждения и обмана. Электронные системы рукописного ввода могут быть особенно полезны для граждан, которые по состоянию здоровья или физическим недостаткам не могут писать на бумаге, но способны работать с электронными устройствами [8]. В чрезвычайных ситуациях, когда завещатель не имеет доступа к бумаге и ручке, но имеет при себе планшет или смартфон с функцией рукописного ввода, предлагаемая форма может стать единственно возможным способом распорядиться имуществом на случай смерти. Завещание, составленное в чрезвычайных обстоятельствах с использованием электронных систем рукописного ввода, может быть признано действительным после подтверждения судом факта его совершения в чрезвычайных обстоятельствах, аналогично правилам статьи 1129 ГК РФ [1].

На основе проведенного анализа предлагается внести в Гражданский кодекс РФ следующие изменения. Предлагается дополнить статью 1124 ГК РФ пунктом следующего содержания: «Завещание может быть составлено с использованием электронных систем рукописного ввода, обеспечивающих возможность создания документа в форме электронного образа рукописного текста, при одновременном соблюдении следующих условий: 1) завещание должно быть собственноручно написано и подписано завещателем с использованием указанных систем; 2) при составлении завещания должны присутствовать два свидетеля, которые также подписывают завещание с использованием электронных систем рукописного ввода либо с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи [4]. Дополнить статью 1129 ГК РФ указанием на возможность составления завещания с использованием электронных систем рукописного ввода в отсутствие возможности его нотариального удостоверения (по аналогии с чрезвычайными обстоятельствами). Ввести обязательную аутентификацию завещателя с использованием биометрических данных, например, отпечатка пальца или видеофиксации при составлении такого завещания — по образцу штата Невада. Установить переходные положения, согласно которым завещания, со-

ставленные с использованием электронных систем рукописного ввода до внесения изменений в ГК РФ, могут быть признаны судом действительными при доказанности намерения завещателя и подлинности, то есть по правилу «безвредной ошибки», адаптированному к российским условиям.

В случае легализации в России завещаний с использованием электронных систем рукописного ввода для минимизации рисков их подделки с помощью ИИ, копирующего почерк, необходимо законодательно закрепить обязательную биометрическую аутентификацию завещателя, а также предусмотреть возможность проведения судебной почерковедческой экспертизы электронных образов рукописного текста с применением специализированного программного обеспечения. Кроме того, целесообразно установить переходные положения, позволяющие судам признавать действительными завещания, составленные на таких устройствах до внесения изменений в ГК РФ, по аналогии с американским правилом «безвредной ошибки», при условии доказанности намерения завещателя и подтверждения подлинности документа, в том числе посредством почерковедческой экспертизы и иных доказательств.

Таким образом, действующий в России абсолютный запрет на использование электронных технических средств при составлении завещания не отвечает реальным потребностям граждан и противоречит тенденциям цифровизации, что делает его излишне консервативным. Зарубежный опыт США, включая судебное признание завещаний, написанных на планшетах, и статутное регулирование в ряде штатов, показывает, что легализация таких завещаний возможна при сохранении ключевых формальных требований — собственноручного написания и подписания. Предлагаемая форма сохраняет возможность проведения почерковедческой экспертизы, что особенно важно в условиях развития технологий, позволяющих копировать почерк, а риски подделки эффективно минимизируются введением биометрической аутентификации и видеофиксации, уже реализованных в штате Невада. Внесение соответствующих изменений в ГК РФ позволит российскому наследственному праву преодолеть ряд существующих недостатков, повысить доступность и удобство составления завещаний для граждан и интегрироваться в глобальные тенденции, сохранив высокий уровень защиты подлинности воли наследодателя. Дальнейшие исследования должны быть сосредоточены на разработке конкретных технических и методических требований к системам рукописного ввода, а также правовых механизмов защиты данного института.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 № 146-ФЗ (ред. от 08.08.2024) // Собрание законодательства РФ. — 2001. — № 49. — Ст. 4552.
2. Федеральный закон от 18.03.2019 № 34-ФЗ «О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. — 2019. — № 60.

3. О судебной практике по делам о наследовании: Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. № 9 (ред. от 23.04.2019) // СПС «КонсультантПлюс».
4. Андропова Т. В. Специфика составления электронного завещания. США // Наследственное право. — 2019. — № 4. — С. 24–28.
5. Баранов Е. В. Электронное завещание: проблемы и перспективы правовой регламентации // Юридический вестник. — 2021. — № 3. — С. 240–244.
6. Конопляникова Т. В., Шагивалеева И. З. Цифровизация и ее влияние на развитие института наследственного права // Право и государство: теория и практика. — 2023. — № 12 (228). — С. 309–312.
7. Панченко И. В., Цуканов О. В. Нетипичные формы завещания в отечественном наследственном праве // Власть Закона. — 2022. — № 4. — С. 65–71.
8. Сусякова К. В., Смирнова В. В., Петрова Е. С. Электронное завещание в эпоху цифровизации: перспективы развития // Право и государство: теория и практика. — 2024. — № 2. — С. 120–125.
9. Такмазян Л. А., Петров И. В. Цифровизация наследственного права: электронные завещания и их правовые последствия // Право и государство: теория и практика. — 2025. — № 1.
10. Crawford B. J. Blockchain Wills // Indiana Law Journal. — 2019. — URL: <https://ssrn.com/abstract=3346493>. — С. 736–786.
11. Horton D. Tomorrow's Inheritance: The Frontiers of Estate Planning Formalism // Boston College Law Review. — 2017. — Vol. 58. — Is. 2. — P. 563–577.
12. Zalucki M. Testamentary Succession, New Technologies and Recodification: On the Research that Needs to Be Conducted // Societas Et Iurisprudentia. — 2014. — Vol. II. — Is. 2. — P. 19–34.
13. Nevada Revised Statutes, Chapter 132 (2017).
14. Florida Statutes, Chapter 732 (2020).

Разграничение истинного лизинга (true lease) и обеспечительной сделки в праве США и Российской Федерации

Тараева Екатерина Александровна, студент

Московский гуманитарно-экономический университет

Статья посвящена сравнительно-правовому исследованию проблемы разграничения истинного лизинга (true lease) и обеспечительной сделки (secured financing) в праве США и Российской Федерации. Анализируются положения UCC § 1–203 и UCC Article 2A, а также российская доктрина о правовой природе договора финансовой аренды, включая подходы М. И. Брагинского, В. В. Витрянского, С. А. Громова, А. А. Иванова, А. В. Тепкиной, О. В. Гажур и А. Е. Прудниковой. Обосновывается вывод о том, что американское право выработало функциональные критерии разграничения лизинга и обеспечительного финансирования, тогда как российское право лишь постепенно приходит к признанию обеспечительной функции права собственности лизингодателя.

Ключевые слова: лизинг, финансовая аренда, true lease, secured financing, обеспечительная сделка, право собственности лизингодателя, UCC Article 2A.

Лизинг является одним из наиболее распространенных инструментов финансирования приобретения имущества. Согласно статистическим данным за 2025 год, количество лизингополучателей составило 71 957 человек, а всего было заключено порядка 325 969 договоров. При этом, среди переданных в лизинг предметов автотранспорт составил 50%, спецтехника 5,1%, железнодорожный транспорт 2,5%, остальное оборудование — 42,6% [14].

Однако несмотря на экономическую популярность лизинга, его правовая природа остается дискуссионной, причем как в зарубежной, так и в российской доктрине.

В праве США центральной проблемой является разграничение истинного лизинга (true lease) и обеспечительной сделки (secured financing). Американское право исходит из того, что само наименование договора не яв-

ляется решающим: суд должен установить, сохраняет ли лизингодатель реальный экономический интерес в предмете лизинга либо его право собственности выполняет исключительно обеспечительную функцию.

В российском праве договор финансовой аренды традиционно рассматривается через конструкцию аренды. Вместе с тем отечественная доктрина и судебная практика всё чаще обращают внимание на то, что в выкупном лизинге право собственности лизингодателя фактически служит обеспечением имущественного интереса, близким по функции к залогу.

В российской цивилистике можно выделить несколько подходов к правовой природе договора лизинга.

Первый подход рассматривает лизинг как разновидность договора аренды. Его основанием является расположение норм о финансовой аренде в главе 34 ГК РФ,

посвященной аренде. Такой подход отражает формально-догматическое понимание лизинга: лизингодатель предоставляет имущество во временное владение и пользование, а лизингополучатель выплачивает лизинговые платежи.

Второй подход исходит из смешанной природы договора лизинга. Его сторонники указывают, что лизинг включает элементы аренды, купли-продажи, кредитования и обеспечения. Такая позиция объясняется тем, что лизингодатель приобретает имущество специально для лизингополучателя, а само имущество часто впоследствии переходит в собственность последнего.

Третий подход рассматривает лизинг как самостоятельный гражданско-правовой договор, который не может быть полностью сведен ни к аренде, ни к купле-продаже, ни к кредиту.

Особое значение для настоящего исследования имеет четвертый подход — обеспечительный. В его рамках право собственности лизингодателя на предмет лизинга рассматривается не только как обычное вещное право, но и как способ обеспечения имущественного интереса лизингодателя.

С. А. Громов прямо исследует обеспечительную функцию права собственности лизингодателя на предмет лизинга. Он показывает, что принадлежность имущества лизингодателю позволяет защитить его интересы при нарушении договора лизингополучателем. В этой связи российская доктрина фактически приближается к американской проблематике истинного лизинга и обеспечительной сделки [6].

А. В. Тепкина в исследовании, посвященном защите прав лизингодателя при обеспечительном лизинге, также использует категорию обеспечительного лизинга. Это показывает, что российская наука постепенно начинает описывать лизинг не только как аренду, но и как механизм обеспечения финансирования [7].

В праве США ключевое значение имеет Единообразный торговый кодекс США § 1–203, который устанавливает критерии разграничения лизинга и обеспечительной сделки. Примечательно, что данный кодекс является модельным актом, унифицирующим нормы торгового права и ратифицированный в 50 штатах.

Американская доктрина исходит из приоритета экономической сущности сделки над ее формальным наименованием. Если договор назван лизинговым, но по своей экономической структуре предполагает фактическое финансирование приобретения имущества, то может быть признан обеспечительной сделкой.

Так, Лиза Паглиа в своей работе показывает, что наиболее важным является определение того, сохраняет ли лизингодатель реальный остаточный интерес в имуществе [12]. В американской доктрине наличие остаточного интереса рассматривается как одно из ключевых проявлений подлинной арендной природы сделки. Если по окончании срока договора лизингодатель сохраняет существенную часть экономической ценности имущества, это свидетельствует о том, что целью сделки явля-

лось предоставление имущества во временное пользование. Напротив, отсутствие остаточного интереса может указывать на то, что сохранение права собственности за лизингодателем выполняет исключительно обеспечительную функцию и направлено на гарантирование возврата предоставленного финансирования.

Анализ работы Р. Т. Ниммера [13] показывает, что американское право рассматривает лизинг не через формальное сохранение титула за лизингодателем, а через наличие у него самостоятельного экономического интереса в объекте сделки. В этом проявляется принципиальное отличие американского подхода от российского, где квалификация договора финансовой аренды преимущественно связывается с соответствием законодательной конструкции, закрепленной в ГК РФ и Федеральном законе «О финансовой аренде (лизинге)».

Амелия Х. Босс, анализируя появление Статьи 2А, указывает, что выделение лизинга в отдельный блок коммерческого регулирования было связано с необходимостью учитывать специфику лизинговых сделок, не смешивая их полностью с куплей-продажей или обеспечительным кредитованием.

Одним из важнейших критериев американского права, как было сказано выше, является наличие у лизингодателя остаточного интереса (*residual interest*). Если после окончания договора имущество сохраняет значительную стоимость, а лизингодатель заинтересован в его возврате, последующей продаже или повторной передаче в лизинг, такая сделка ближе к истинному лизингу. Если же лизингополучатель выплачивает фактически всю стоимость имущества, а затем получает возможность приобрести его за символическую цену, право собственности лизингодателя превращается в инструмент обеспечения возврата финансирования.

Для российского права этот критерий особенно важен применительно к выкупному лизингу. В таких сделках лизингодатель часто не заинтересован в возвращении имущества как самостоятельного экономического актива. Его интерес состоит в возврате финансирования и получении вознаграждения.

Российская судебная практика постепенно движется в сторону признания финансовой природы выкупного лизинга. Так, в обзоре судебной практики Верховного Суда РФ по спорам, связанным с договором финансовой аренды, указано, что платежи по договору выкупного лизинга, по общему правилу, включают сумму предоставленного лизингодателем финансирования и вознаграждение за это финансирование [10]. Данная позиция фактически подтверждает, что в выкупном лизинге лизингодатель выступает не только арендодателем, но и финансирующей стороной. Это сближает российский подход с американской концепцией обеспеченного финансирования, хотя российское право пока не содержит полноценного аналога § 1–203 Единообразного торгового кодекса США.

Сравнение права США и РФ позволяет выявить принципиальное различие. В США вопрос ставится так: яв-

ляется ли сделка настоящим лизингом или скрытым обеспеченным финансированием? В России вопрос традиционно ставился иначе: является ли договор лизинга разновидностью аренды, смешанным договором или самостоятельным договорным типом?

Именно поэтому американская доктрина разработала критерии разграничения истинного лизинга и обеспеченного финансирования, а в российской доктрине долгое время обсуждалось место лизинга в системе гражданско-правовых договоров. Однако современные российские исследования об обеспечительной функции права собственности лизингодателя показывают, что российская наука постепенно приближается к функциональному анализу лизинга.

Американское право выработало более развитый механизм разграничения истинного лизинга и обеспечительной сделки. Его основой является анализ экономической сущности договора, распределения рисков и наличия у лизингодателя остаточного интереса в имуществе.

Российское право формально рассматривает лизинг как договор финансовой аренды, однако отечественная

доктрина и судебная практика всё чаще признают его обеспечительную и финансовую природу.

В связи с этим представляется целесообразным использовать американский опыт не путем прямого заимствования § 1–203 Единообразного торгового кодекса США, а через разработку российских критериев разграничения истинного лизинга и обеспечительного финансирования.

Таковыми критериями могут быть:

1. наличие у лизингодателя реального остаточного интереса в предмете лизинга;
2. соотношение суммы лизинговых платежей и стоимости имущества;
3. характер выкупной цены;
4. наличие или отсутствие реальной возможности возврата имущества лизингодателю;
5. экономическая цель сторон договора.

Разработка таких критериев позволила бы повысить правовую определенность российского лизингового регулирования и более точно разграничивать аренду, финансирование и обеспечительные конструкции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ.
2. Федеральный закон от 29.10.1998 № 164-ФЗ «О финансовой аренде (лизинге)».
3. Uniform Commercial Code § 1–203. Lease Distinguished from Security Interest.
4. Uniform Commercial Code Article 2A. Leases.
5. Брагинский, М. И. Договорное право / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский. — 2-е изд. — Москва: СТАТУТ, [б. г.]. — Книга 2: Договоры о передаче имущества — 2011. — 780 с. — ISBN 978–5–8354–0750–7. — Текст: электронный // Лань: электронно-библиотечная система. — URL: <https://e.lanbook.com/book/61519> (дата обращения: 13.06.2026). — Режим доступа: для авториз. пользователей.
6. Громов С. А. Обеспечительная функция права собственности лизингодателя на предмет лизинга // Меры обеспечения и меры ответственности в гражданском праве: сборник статей / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2010.
7. Тепкина А. В. Защита прав лизингодателя при обеспечительном лизинге: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук. Элиста, 2015.
8. Гажур О. В. Договор лизинга в гражданском праве // Вестник ИГЭУ. 2005. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-lizinga-v-grazhdanskom-prave> (дата обращения: 13.06.2026).
9. Прудникова Альбина Евгеньевна Договор лизинга в системе договора аренды // Научный журнал КубГАУ. 2014. № 104. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dogovor-lizinga-v-sisteme-dogovora-arendy> (дата обращения: 13.06.2026).
10. Обзор судебной практики по спорам, связанным с договором финансовой аренды (лизинга), утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27 октября 2021 г. (СПС Консультант Плюс)
11. Boss, Amelia H., Introducing the New UCC Article 2A: Leases (April 1, 1993). 17 ALI-ABA Course Materials Journal 37 (1992–1993), Available at SSRN: <https://ssrn.com/abstract=3578569>
12. Paglia L. J. U. C. C. Article 2A: Distinguishing Between True Leases and Secured Sales (<https://scholarship.law.stjohns.edu/cgi/viewcontent.cgi?article=1922&context=lawreview>)
13. Raymond T. Nimmer, U. C. C. Article 2A: The New Face of Leasing?, 3 DePaul Bus. & Com. L. J. 559 (2005) Available at: <https://via.library.depaul.edu/bclj/vol3/iss4/6>
14. Статистические данные по рынку лизинга 2016–2025 гг. (<https://www.tpprf-leasing.ru/workdir/pages/00/statistika-lizing-2016-2025.pdf>)

Место коммерческого обозначения в системе средств индивидуализации

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Жигалова Ирина Валерьевна, студент магистратуры;

Виноградова Анна Сергеевна, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется правовая природа коммерческого обозначения как средства индивидуализации в гражданском праве Российской Федерации. Анализируется соотношение коммерческого обозначения с другими средствами индивидуализации (фирменным наименованием, товарным знаком, знаком обслуживания), выявляются критерии разграничения, рассматриваются проблемы коллизий и правоприменительной практики. На основе анализа законодательства и судебной практики формулируются предложения по совершенствованию правового регулирования коммерческих обозначений.

Ключевые слова: коммерческое обозначение, средство индивидуализации, фирменное наименование, товарный знак, исключительное право, Суд по интеллектуальным правам.

Коммерческое обозначение занимает особое место в системе средств индивидуализации юридических лиц, товаров, работ и услуг. В отличие от фирменного наименования, которое подлежит обязательной государственной регистрации, и товарного знака, регистрация которого является условием возникновения исключительного права, коммерческое обозначение охраняется в силу самого факта его использования в гражданском обороте [1, с. 66–67]. Эта особенность делает коммерческое обозначение гибким и доступным инструментом индивидуализации, особенно для малого и среднего бизнеса, который не всегда имеет возможность проходить длительные и затратные процедуры регистрации товарных.

Вместе с тем, отсутствие регистрационного механизма порождает значительное количество проблем, связанных с доказыванием приоритета использования, разграничением со смежными средствами индивидуализации и защитой нарушенных прав [2, с. 45–48]. Нормы, регулирующие коммерческое обозначение, содержатся в части четвертой Гражданского кодекса РФ (ст. 1538–1541), однако доктрина и судебная практика до сих пор не выработали единообразных подходов к определению правовой природы коммерческого обозначения и его соотношению с другими объектами интеллектуальных прав. Цель настоящей статьи — определить место коммерческого обозначения в системе средств индивидуализации и выявить основные проблемы правоприменения.

Легальное определение коммерческого обозначения содержится в ст. 1538 Гражданского кодекса РФ, согласно которой юридическое лицо, осуществляющее предпринимательскую деятельность (в том числе индивидуальный предприниматель), может использовать для индивидуализации принадлежащих ему торговых, промышленных и иных предприятий коммерческое обозначение, не являющееся фирменным наименованием и не подлежащее обязательному включению в учредительные документы и Единый государственный реестр юридических лиц [3].

Анализ легального определения позволяет выделить следующие признаки коммерческого обозначения:

- 1) целевое назначение — индивидуализация предприятия как имущественного комплекса, а не юридического лица в целом. Коммерческое обозначение может использоваться для обозначения конкретного магазина, ресторана, производственного цеха и т. п.;
- 2) отсутствие обязательной государственной регистрации — право на коммерческое обозначение возникает в силу фактического использования. Это отличает его от фирменного наименования и товарного;
- 3) охраноспособность — коммерческое обозначение должно обладать достаточными различительными признаками и быть известным в пределах определённой территории. Общеизвестность не требуется, но обозначение не должно быть описательным или общепотребительным;
- 4) территориальный характер действия — исключительное право на коммерческое обозначение действует на территории Российской Федерации, но фактически ограничено территорией, на которой обозначение используется и известно потребителям.

Исключительное право на коммерческое обозначение возникает с момента его фактического использования для индивидуализации предприятия. При этом закон не устанавливает каких-либо формальных требований к фиксации момента возникновения права [4, с. 28–31].

На практике доказывание факта использования коммерческого обозначения осуществляется путём представления договоров, первичных учётных документов, рекламных материалов, вывесок и иных доказательств, подтверждающих, что обозначение использовалось для индивидуализации предприятия до даты, с которой правообладатель заявляет о возникновении своего права.

Содержание исключительного права на коммерческое обозначение составляет возможность правообладателя использовать его любым не противоречащим закону

способом, а также запрещать использование другими лицами. Важно отметить, что право на коммерческое обозначение не может быть передано по лицензионному договору (ст. 1541 ГК РФ) — оно переходит только в составе предприятия как имущественного комплекса.

Фирменное наименование и коммерческое обозначение являются самостоятельными средствами индивидуализации, различающимися по объекту (юридическое лицо в целом vs. предприятие как имущественный комплекс) и порядку возникновения права (регистрация vs. фактическое использование) [1, с. 71–72].

Вместе с тем, на практике возникает множество коллизий, когда коммерческое обозначение оказывается тождественным или сходным до степени смешения с фирменным наименованием другого юридического лица. Такие ситуации могут квалифицироваться как акт недобросовестной конкуренции (ст. 14.4 Федерального закона «О защите конкуренции») [5].

Судебная практика исходит из приоритета фирменного наименования, возникшего ранее, если его правообладатель может доказать, что использование коммерческим обозначением сходного обозначения вводит потребителей в заблуждение.

Наиболее сложные коллизии возникают между коммерческим обозначением и товарным знаком (знаком обслуживания). Товарный знак служит для индивидуализации товаров, работ или услуг, тогда как коммерческое обозначение — для индивидуализации предприятия [6, с. 44–48].

В соответствии со ст. 1540 ГК РФ, исключительное право на коммерческое обозначение не действует в отношении товарного знака, охраняемого на территории Российской Федерации, если коммерческое обозначение начало использоваться после возникновения исключительного права на товарный знак. Суды также обращают внимание на то, могло ли использование коммерческого обозначения ввести потребителей в заблуждение относительно производителя товаров или услуг [7].

Одним из наиболее обсуждаемых в судебной практике является вопрос о возможности признания товарного знака недействительным, если на дату его приоритета уже существовало право на тождественное или сходное коммерческое обозначение. Суд по интеллектуальным правам неоднократно указывал, что само по себе наличие более раннего права на коммерческое обозначение не является безусловным основанием для признания товарного знака недействительным — необходимо также доказать, что товарный знак способен ввести потребителей в заблуждение.

Коммерческое обозначение должно обладать различительной способностью, то есть не состоять из элементов, являющихся общеупотребительными или описательными (например, названия родовые, указывающие на вид товаров или услуг, место нахождения предприятия и т. п.). Однако закон допускает охрану обозначений, которые не изначально, а в результате их использования приобрели различительную способность (так называе-

мый «secondary meaning»). Практика Суда по интеллектуальным правам подтверждает, что если обозначение в результате длительного и интенсивного использования стало ассоциироваться у потребителей именно с конкретным предприятием, оно может быть признано охраноспособным даже при наличии в нём описательных элементов.

Отсутствие регистрации порождает главную проблему — доказывание факта использования и приоритета коммерческого обозначения. Поскольку закон не устанавливает формальных требований к фиксации начала использования, правообладатель должен представить убедительные доказательства. Из практики Суда по интеллектуальным правам следует, что к допустимым доказательствам относятся:

- договоры с контрагентами, в которых упоминается коммерческое обозначение;
- счета-фактуры, товарные накладные и иные первичные учётные документы;
- рекламные материалы (буклеты, каталоги, публикации в СМИ);
- вывески и иные элементы оформления предприятия;
- скриншоты с сайта и материалы из социальных сетей.

При этом разовые или эпизодические случаи использования недостаточны — требуется систематическое использование в течение определённого периода времени.

На практике нередки случаи, когда тождественные или сходные обозначения используются разными лицами для индивидуализации различных предприятий. Поскольку коммерческие обозначения не регистрируются, отсутствует возможность проверки их уникальности. Суды при разрешении таких споров применяют следующие критерии [8]:

- хронологический приоритет (кто начал использовать обозначение раньше);
- территориальная сфера использования (не перекрываются ли территории деятельности предприятий);
- вероятность смешения для потребителей (вводят ли сходные обозначения в заблуждение);
- недобросовестность поведения (не использовал ли ответчик обозначение для извлечения выгоды из чужой репутации).

Одной из сложнейших задач является определение сходства коммерческого обозначения с другими средствами индивидуализации. Правовая доктрина и судебная практика выработали следующие критерии:

- доминирующий элемент обозначения (фонетическое, графическое или смысловое сходство прежде всего оценивается по доминирующему элементу);
- степень известности обозначений (более известное обозначение пользуется большей правовой охраной);
- однородность товаров, работ или услуг (спор возникает прежде всего при однородности объектов, в отношении которых используются обозначения).

Одним из наиболее обсуждаемых предложений является введение факультативной регистрации коммерческих обозначений в Роспатенте. Такая регистрация позволила бы решить проблему доказывания приоритета использования, не лишая коммерческое обозначение его главного преимущества — гибкости. Регистрация не должна быть обязательной — лишь те, кто желает получить дополнительные гарантии защиты, могут обратиться в Роспатент. При этом зарегистрированное коммерческое обозначение пользовалось бы презумпцией действительности и приоритета, что существенно облегчило бы доказывание в суде.

Законодательство нуждается в уточнении критериев охраноспособности коммерческого обозначения. В частности, было бы полезно легально закрепить понятие «приобретённая различительная способность» и определить, какие доказательства могут её подтвердить.

Целесообразно также установить минимальные требования к степени известности коммерческого обозначения, увязав их с масштабом деятельности предприятия и продолжительностью исп.

Необходимо законодательное закрепление порядка разрешения коллизий между коммерческими обозначениями и иными средствами индивидуализации. Представляется целесообразным:

- установить приоритет фирменного наименования над коммерческим обозначением при прочих равных условиях;
- предусмотреть механизм признания товарного знака недействительным, если он нарушает ранее возникшее исключительное право на коммерческое обозначение;
- ввести упрощённый порядок прекращения использования коммерческого обозначения, нарушающего права обладателей иных средств индивидуализации.

Литература:

1. Гаврюшкин С. Н. Коммерческое обозначение как объект интеллектуальной собственности: особенности правовой природы, отличия от других средств индивидуализации и проблемы судебной защиты исключительных прав // «Журнал Суда по интеллектуальным правам», № 27, март 2020 г., с. 66–73
2. Право интеллектуальной собственности: учебник для вузов / ответственный редактор Л. А. Новоселова. — 4-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2026. — 353 с. — (Высшее образование). — ISBN 978–5–534–22016–2. — Текст: электронный // Образовательная платформа Юрайт [сайт]. — URL: <https://urait.ru/bcode/600554> (дата обращения: 19.06.2026).
3. Гражданский Кодекс Российской Федерации от 18.12.2006 № 230-ФЗ (ред. от 23 июля 2025 г.) // Собрание законодательства Российской Федерации от 2006 г., N 52, ст. 5496 (Часть I).
4. Дашин А. В., Жихарева К. С. Проблема защиты прав на коммерческое обозначение // Право и государство: теория и практика. 2024. № 4 (232).
5. Федеральный закон от 26 июля 2006 г. N 135-ФЗ (ред. от 8 марта 2026 г.) «О защите конкуренции» // СЗ РФ от 31 июля 2006 г. N 31 (часть I) ст. 343
6. Сабитов М. Р. Фирменное наименование и коммерческое обозначение: разграничение прав и правовая природа средств индивидуализации // Вестник науки. 2025. № 6 (87).
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 (ред. от 14.11.2023) «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. 2019. № 92.
8. Постановление Суда по интеллектуальным правам от 19 ноября 2025 г. N C01–1515/2025 по делу N A22–2369/2023 // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/412994919/>

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Коммерческое обозначение занимает самостоятельное место в системе средств индивидуализации, индивидуализируя не юридическое лицо в целом и не товары или услуги, а предприятие как имущественный комплекс. Отсутствие обязательной регистрации обеспечивает гибкость, но порождает проблемы доказывания приоритета и разрешения.

2. Соотношение коммерческого обозначения со смежными средствами индивидуализации (фирменным наименованием, товарным знаком) определяется приоритетом использования и вероятностью смешения для потребителей. Судебная практика выработала критерии разрешения коллизий, однако единообразие подходов отсутствует.

3. Основными проблемами правоприменения являются доказывание факта использования коммерческого обозначения, установление сходства до степени смешения и определение территориальной сферы действия исключительного права. Эти проблемы могут быть решены путём выработки единообразных разъяснений Верховного Суда РФ или Суда по интеллектуальным правам.

4. Перспективными направлениями совершенствования законодательства являются введение факультативной регистрации коммерческих обозначений, уточнение критериев охраноспособности и создание эффективного механизма разрешения коллизий между различными средствами индивидуализации.

5. Дальнейшие исследования должны быть направлены на анализ зарубежного опыта регулирования коммерческих обозначений (в частности, в Германии, Франции и США), а также на изучение влияния цифровых технологий на практику использования коммерческих обозначений в сети Интернет.

ТРУДОВОЕ ПРАВО

Пути совершенствования законодательства в сфере деятельности профсоюзных организаций в Российской Федерации

Никулина Ирина Игоревна, студент магистратуры

Уральский институт управления — филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (г. Екатеринбург)

*В данной статье анализируется современное состояние правового регулирования деятельности профсоюзных организаций в Российской Федерации. На основе анализа последних изменений трудового законодательства и практики социального партнерства выявляются системные проблемы реализации права работников на объединение и защиту своих интересов. Особое внимание уделяется вопросам эффективности контрольных функций профсоюзов, механизмам взаимодействия с работодателями и государственными органами. Автор формулирует конкретные направления совершенствования законодательства, включая усиление гарантий для профсоюзных инспекторов, расширение инструментов социального партнерства и адаптацию правового статуса профсоюзов к условиям цифровой экономики. **Ключевые слова:** профсоюзные организации, трудовое законодательство, социальное партнерство, защита трудовых прав, совершенствование законодательства, правовой статус профсоюзов, контрольная деятельность, цифровизация трудовых отношений.*

Ways to improve legislation in the field of trade union activities in the Russian Federation

The article analyzes the current state of legal regulation of trade union organizations in the Russian Federation. Based on the analysis of recent changes in labor legislation and the practice of social partnership, systemic problems in the implementation of workers' rights to association and protection of their interests are identified. Special attention is paid to the effectiveness of trade unions' control functions, mechanisms of interaction with employers and government bodies. The author formulates specific directions for improving legislation, including strengthening guarantees for trade union inspectors, expanding social partnership instruments, and adapting the legal status of trade unions to the conditions of the digital economy.

Keywords: trade union organizations, labor legislation, social partnership, protection of labor rights, improvement of legislation, legal status of trade unions, control activities, digitalization of labor relations.

Введение

Институт профсоюзов в Российской Федерации традиционно рассматривается в качестве одного из ключевых механизмов защиты социально-трудовых прав граждан. В условиях трансформации экономических отношений, цифровизации занятости и изменения структуры рынка труда роль профсоюзов приобретает новое содержание. Однако, как справедливо отмечают исследователи, «в современных экономических условиях существенным образом меняется роль трудового права и тот функционал, который в нем заложен, а это, в свою очередь, способствует трансформации отдельных институтов и отношений, формирующих новый рынок труда и занятости населения» [5, с. 8].

Актуальность темы обусловлена необходимостью приведения правового статуса профсоюзных организа-

ций в соответствие с современными реалиями. Несмотря на наличие развернутой нормативной базы (Конституция РФ [11], Трудовой кодекс РФ [13], Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [12]), практика правоприменения выявляет ряд системных проблем, снижающих эффективность профсоюзной деятельности.

Цель настоящей статьи — выявить основные направления совершенствования законодательства, регулирующего деятельность профсоюзных организаций в РФ, и предложить конкретные меры по их правовой институционализации.

1. Современное правовое регулирование деятельности профсоюзов: достижения и проблемы

Правовую основу деятельности профсоюзов составляет комплекс норм, закрепленных в гл. 58 Трудового ко-

декса РФ (ТК РФ) [13] и Федеральном законе от 12.01.1996 № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [12]. Ключевым принципом является независимость профсоюзов от органов исполнительной власти и работодателей, а также гарантия права на объединение [4, с. 112].

Анализ практики последних лет показывает как позитивные изменения, так и сохраняющиеся проблемы. К достижениям можно отнести расширение инструментов социального партнерства. Так, в 2024 году была продолжена работа по реализации Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, работодателей и Правительством РФ, в рамках которой сторонами было проведено 11 заседаний Российской трехсторонней комиссии и рассмотрено более 180 вопросов, включая 32 проекта федеральных законов [7]. Распоряжением Правительства РФ от 24.04.2025 № 1022-р утвержден план мероприятий по реализации указанного соглашения на 2025–2026 годы, что свидетельствует о системном характере взаимодействия [3].

Однако наряду с позитивными сдвигами сохраняется ряд проблем. Как отмечают исследователи, зачастую «деятельность профсоюзов носит формальный характер», а механизмы воздействия на недобросовестных работодателей остаются недостаточно эффективными [8, с. 686]. В частности, исследователи указывают на недостаточную эффективность контрольной деятельности профсоюзов. Как отмечает Е. Ю. Забрамная, «проблемы правового регулирования юридической ответственности в трудовом праве» напрямую связаны со слабостью механизмов принуждения к исполнению предписаний профсоюзных инспекций [5, с. 14–21]. Кроме того, сохраняется разрыв между декларируемыми правами профсоюзов и возможностью их практической реализации, особенно в части доступа к информации о деятельности работодателя и реального влияния на принятие управленческих решений.

2. Проблемные аспекты реализации контрольной функции профсоюзов

Одной из ключевых функций профсоюзов является контроль за соблюдением трудового законодательства. По данным Федерации Независимых Профсоюзов России (ФНПР), в 2023 году техническими инспекторами труда проведено 21,6 тысяч проверок, выявлено более 34 тысяч нарушений [2]. При этом отмечается рост обращений работников в профсоюзы в связи со снижением интенсивности государственного контроля: количество письменных жалоб увеличилось на 8,8% по сравнению с 2022 годом [2].

Однако эффективность этой работы остается ограниченной в силу нескольких факторов.

Во-первых, отсутствуют эффективные правовые механизмы реагирования на недопуск профсоюзных инспекторов к проверке. Судебная практика демонстрирует, что даже при наличии решения суда о незаконности действий работодателя, реализация этого решения сталкивается с препятствиями. Показательным является дело по иску Московской областной организации проф-

союза работников промышленности к АО «75 арсенал», где работодатель не только воспрепятствовал проверке, но и предпринял попытки создания альтернативного «квазипрофсоюза», юридическая идентификация которого оказалась невозможной даже для суда [9].

Во-вторых, недостаточна правовая защищенность самих профсоюзных активистов. Законодательство не предусматривает действенных санкций за воспрепятствование законной деятельности профсоюзов, что делает данное правонарушение «высококарательным» и, по сути, малоперспективным для привлечения к ответственности.

В-третьих, наблюдается тенденция подмены реального профсоюзного представительства формальными структурами, создаваемыми по инициативе работодателя. Это противоречит самой природе профсоюзного движения как независимого представителя интересов работников.

3. Проблемы социального партнерства и участия в нормотворчестве

Формально профсоюзы обладают широкими правами в сфере нормотворчества: они участвуют в разработке законопроектов, вносят предложения в органы государственной власти. Однако практика показывает, что реальное влияние профсоюзов на законодательный процесс остается ограниченным.

Показательным является пример с разработкой изменений в статью 152 ТК РФ об оплате сверхурочной работы. Несмотря на то, что профсоюзами была предложена более выгодная для работников формулировка, итоговая редакция (оплата исходя из размера заработной платы, включая компенсационные и стимулирующие выплаты) была принята лишь после длительных согласований [1]. Аналогичная ситуация сложилась с индексацией пенсий работающих пенсионеров — решение было принято лишь после «многолетней борьбы профсоюзов» [1].

К числу позитивных примеров следует отнести инициативу ФНПР по введению в законодательство понятий «молодой работник» и уточнению статуса «молодого специалиста». Соответствующий закон был подписан Президентом РФ 22 апреля 2024 года [1]. Однако такие успехи носят скорее исключительный, нежели системный характер.

Проблема заключается в отсутствии обязательной силы предложений профсоюзов. Несмотря на законодательное закрепление права на участие в нормотворчестве, закон не предусматривает механизмов, обязывающих законодателя учитывать позицию профсоюзов при принятии решений. Как отмечает М. О. Буянова, требуется «расширение участия профсоюзов в социальном партнерстве» за счет наделения их правом вето или иными инструментами, обеспечивающими реальное влияние на принимаемые решения [5, с. 11].

4. Основные направления совершенствования законодательства

На основе проведенного анализа можно предложить следующие направления совершенствования правового регулирования деятельности профсоюзных организаций.

4.1. Усиление гарантий прав профсоюзных инспекторов

Необходимо внести изменения в Кодекс об административных правонарушениях РФ, установив повышенную ответственность за воспрепятствование законной деятельности профсоюзных инспекторов (ст. 5.44 КоАП РФ требует существенного ужесточения). Целесообразно также введение административной ответственности юридических лиц за недопуск профсоюзных инспекторов к проверке, по аналогии с ответственностью за нарушение прав инвалидов (изменения в ст. 5.42 КоАП РФ, ужесточившие штрафы до 100 тыс. рублей для юридических лиц [1]).

4.2. Совершенствование механизмов социального партнерства

Представляется обоснованным законодательно закрепить обязательность рассмотрения мотивированного мнения профсоюзного органа при принятии работодателем решений, затрагивающих интересы работников, с правом приостановления действия таких решений до разрешения разногласий в рамках примирительных процедур. Также требуется расширить полномочия профсоюзов в части контроля за обоснованностью увольнений по инициативе работодателя.

4.3. Адаптация правового статуса профсоюзов к цифровой экономике

Развитие платформенной занятости и дистанционной работы создает новые вызовы для профсоюзной деятельности. В условиях цифровизации экономики «трансформируется сам предмет трудового права, что требует пересмотра традиционных подходов к регулированию труда» [6, с. 140]. Законодательство должно закрепить возможность создания профсоюзных организаций работниками платформ, определить механизмы взаимодействия профсоюзов с цифровыми платформами и обеспечить доступ профсоюзов к информации об условиях труда работников, занятых через такие платформы. Кроме того, требуется правовое регулирование электронного документо-

оборота в деятельности профсоюзов, включая проведение собраний и голосований в дистанционном формате.

4.4. Правовое противодействие созданию «карманных» профсоюзов

Необходимо ввести критерии независимости профсоюзных организаций, ограничивающие возможность создания и деятельности профсоюзов, контролируемых или финансируемых работодателем. Закон должен устанавливать требования к прозрачности финансирования профсоюзной деятельности и недопустимости совмещения руководящих должностей в профсоюзе и у работодателя.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что действующее законодательство о профсоюзах в целом создает необходимую правовую базу для их функционирования, однако нуждается в существенной доработке в части обеспечения реальной эффективности предоставленных прав. Как справедливо отмечает А. М. Куренной, «современная модель правового регулирования не всегда успевает за динамикой общественных отношений, что создает разрыв между формальным законом и реальной возможностью защиты прав» [10, с. 8]. Основные направления совершенствования связаны с усилением гарантий для профсоюзных инспекторов, расширением инструментов социального партнерства, адаптацией правового статуса профсоюзов к условиям цифровой экономики и правовым противодействием созданию зависимых профсоюзных структур.

Реализация предложенных мер позволит повысить эффективность профсоюзной деятельности как важнейшего элемента механизма защиты трудовых прав граждан и института гражданского общества в целом. При этом важно подчеркнуть, что совершенствование законодательства должно сопровождаться формированием правоприменительной практики, ориентированной на реальное обеспечение прав профсоюзов, а не на их формальную декларацию.

Литература:

1. ФНПР. Итоги года: ключевые достижения профсоюзов в 2024 году [Электронный ресурс]. — URL: <https://www.tumelprof.ru/fnpr-itogi-goda/> (дата обращения: 05.04.2026).
2. Федерация Независимых Профсоюзов России. В Москве прошло заседание Исполкома ФНПР [Электронный ресурс]. — URL: <https://smolprof.ru/2024/05/14/v-moskve-proshlo-zasedanie-ispolkoma-fnpr/> (дата обращения: 05.04.2026).
3. Распоряжение Правительства Российской Федерации от 24.04.2025 № 1022-р «О плане мероприятий Правительства Российской Федерации по реализации Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2024–2026 годы» [Электронный ресурс]. — Доступ из СПС «Гарант».
4. Трудовое право в 2 т. Том 1. Общая часть: учебник для вузов / отв. ред. Ю. П. Орловский. — 2-е изд., перераб. и доп. — Москва: Издательство Юрайт, 2020. — 285 с.
5. Актуальные вопросы защиты социально-трудовых прав работников профсоюзами на современном этапе // Трудовое право в России и за рубежом. — 2025. — № 4. — С. 8–11. DOI: 10.18572/2221-3295-2025-4-8-11.
6. Закалюжная Н. В. Новая концепция занятости и развитие трудовых отношений в цифровую эпоху / Н. В. Закалюжная // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — № 2. — С. 139–164.

7. Постановление Генсовета ФНПР от 22 апреля 2025 года № 6–4 «О выполнении в 2024 году обязательств Генерального соглашения между общероссийскими объединениями профсоюзов, общероссийскими объединениями работодателей и Правительством Российской Федерации на 2024–2026 годы» [Электронный ресурс]. — URL: <https://fnpr.ru/documents/dokumenty-federatsii/postanovlenie-gensoveta-fnpr-ot-22-aprelya-2025-goda-6-4.html> (дата обращения: 05.04.2026).
8. Вепринцева К. А., Тверитинова В. А. Проблема деятельности профсоюзов по защите трудовых прав работников / К. А. Вепринцева, В. А. Тверитинова // Актуальные проблемы права, экономики и управления: сборник материалов студенческой конференции. — Москва; Саратов, 2020. — С. 685–687.
9. Тверская областная организация Российского профсоюза работников промышленности. Суд в Серпухове [Электронный ресурс]. — URL: <https://69.rosprofprom.ru/2025/02/16/sud-v-serpuhove/> (дата обращения: 05.04.2026).
10. Куренной А. М. Некоторые актуальные проблемы правового регулирования трудовых отношений / А. М. Куренной // Российское право: образование, практика, наука. — 2020. — № 4. — С. 4–12.
11. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
12. Федеральный закон от 12.01.1996 № 10-ФЗ (ред. От 14.07.2022) «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности».
13. «Трудовой кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. От 31.07.2025, с изм. от 06.02.2026).

Влияние цифровой трансформации и модернизации экономики на правовое регулирование трудовых отношений

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Андреева Нина Владимировна, студент магистратуры;

Бервольд Виктория Викторовна, студент магистратуры;

Дементьев Илья Александрович, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье исследуется влияние цифровой трансформации и технологической модернизации экономики на правовое регулирование трудовых отношений в Российской Федерации и зарубежных странах. Анализируются новые формы занятости (дистанционная работа, платформенная занятость, гиг-экономика), выявляются пробелы в действующем трудовом законодательстве, рассматриваются подходы к решению проблемы квалификации трудовых отношений в цифровой среде. На основе сравнительно-правового анализа формулируются предложения по совершенствованию российского трудового законодательства с учётом зарубежного опыта.

Ключевые слова: цифровая трансформация, дистанционная работа, платформенная занятость, гиг-экономика, правовое регулирование, трудовые отношения, Трудовой кодекс РФ.

Цифровая трансформация экономики и технологическая модернизация производства стали определяющими факторами развития современного рынка труда. Внедрение информационно-коммуникационных технологий, автоматизация производственных процессов, развитие цифровых платформ привели к появлению новых форм занятости, которые не вписываются в традиционную парадигму трудовых отношений, основанную на модели «работодатель — работник — стационарное рабочее место» [1, с. 98–103].

Эти изменения объективно требуют пересмотра сложившихся правовых конструкций и адаптации трудового законодательства к новым реалиям. Как отмечается в литературе, стремительное распространение информационных технологий, автоматизация и цифровизация экономики не только способствуют повышению эффек-

тивности труда, но и порождают ряд социально-трудовых проблем, связанных с размыванием стандартных трудовых отношений, переходом к нетипичным формам занятости, утратой части социально-трудовых гарантий. Цель настоящей статьи — выявить основные направления воздействия цифровой трансформации на правовое регулирование трудовых отношений и определить пути его совершенствования.

Цифровая экономика породила ряд новых форм занятости, которые принципиально отличаются от традиционных. К наиболее значимым можно отнести следующие [2, с. 139–164].

Дистанционная (удалённая) работа. Выполнение трудовой функции вне места нахождения работодателя с использованием информационно-телекоммуникационных сетей. Пандемия COVID-19 ускорила переход на эту

форму занятости, превратив её из факультативной в массовую.

Платформенная занятость (краудворкинг). Выполнение работ или оказание услуг через цифровые платформы (например, водители такси, курьеры, фрилансеры). Эта форма занятости характеризуется отсутствием устойчивой связи между работником и заказчиком, а также высокой степенью гибкости.

Гибридные формы занятости. Сочетание различных режимов работы (офисного, удалённого, временного) в рамках одного трудового договора. Гибридные модели постепенно становятся новым стандартом на рынке труда.

Указанные формы занятости, с одной стороны, обеспечивают работникам и работодателям значительную гибкость, с другой — создают риски, связанные с утратой социальных гарантий, неопределённостью правового статуса и ослаблением защиты трудовых прав.

Российское законодательство отреагировало на распространение дистанционной работы введением в 2013 году главы 49.1 Трудового кодекса РФ «Особенности регулирования труда дистанционных работников». Существенные изменения в ТК были внесены федеральными законами от 08.12.2020 № 407-ФЗ и от 29.11.2021 № 377-ФЗ [3, 4].

Новая редакция главы 49.1 ТК РФ закрепила три формы дистанционной работы:

- 1) постоянную — в течение всего срока действия трудового договора;
- 2) временную — на срок не более шести месяцев;
- 3) периодическую — чередование выполнения трудовой функции дистанционно и на стационарном рабочем месте.

Особое внимание законодатель уделил вопросам взаимодействия работника и работодателя, включая порядок обмена электронными документами с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи. Кроме того, была установлена обязанность работодателя компенсировать расходы дистанционного работника, связанные с использованием личного имущества.

Вместе с тем ряд проблем остался нерешённым. Отсутствует легальное определение права на отключение (right to disconnect), не урегулирован должным образом вопрос об охране труда дистанционных работников, не решена проблема разграничения трудового договора и договора гражданско-правового характера при выполнении работ через цифровые платформы [5, с. 168–170].

Одной из самых острых проблем, порождённых цифровой трансформацией, является определение правового статуса лиц, выполняющих работу через цифровые платформы. В разных странах подходы к решению этого вопроса существенно различаются.

Во Франции законом от 03.04.2018 № 2018–247 установлена презумпция трудовых отношений для платформенных работников при определённых условиях. В Германии законодатель пошёл по пути создания специального правового статуса — «работник, аналогичный наёмному» (arbeitnehmerähnliche Person). В Великобритании

судебная практика выработала категорию «зависимый работник» (worker) — промежуточный статус между наёмным работником и самозанятым, который даёт ограниченный набор трудовых прав [6, с. 126–137].

До недавнего времени российское законодательство не содержало специальных норм о платформенной занятости. Однако с 1 октября 2026 года вступает в силу Федеральный закон от 31.07.2025 № 289-ФЗ «Об отдельных вопросах регулирования платформенной экономики в Российской Федерации», который впервые на системном уровне регулирует отношения между цифровыми платформами и исполнителями. Кроме того, 1 января 2026 года стартовал эксперимент по добровольному социальному страхованию для плательщиков налога на профессиональный доход (НПД), что частично решает проблему социальных гарантий для самозанятых, в том числе занятых на платформах.

В мировой практике сложилось несколько моделей регулирования нетипичных форм занятости. В Европейском союзе действует рамочное соглашение о телеработе (2002 год), закрепившее принципы добровольности, равенства прав и защиты данных. В настоящее время в ЕС обсуждается проект директивы о платформенной работе, который предусматривает введение презумпции трудовых отношений для платформенных работников [7, с. 92–105].

В США регулирование осуществляется преимущественно на уровне штатов, что создаёт значительные различия в правовом статусе работников платформ. Калифорнийский закон AB5 (2019 год) ужесточил критерии признания работника независимым подрядчиком, однако его применение вызвало активную судебную практику.

В Японии и Китае также ведётся активная работа по адаптации трудового законодательства к новым формам занятости, причём в Китае приняты специальные нормативные акты о защите прав платформенных работников.

В России эксперимент по налогообложению самозанятых (НПД), начатый в 2019 году, позволил легализовать часть платформенных работников, но не решил вопроса об их социальных гарантиях.

Представляется целесообразным заимствование ряда зарубежных подходов, в частности:

- введение презумпции трудовых отношений при определённых условиях (по примеру Франции и проектов директив ЕС);
- создание категории «зависимый работник» (по примеру Германии);
- законодательное закрепление минимальных социальных гарантий для платформенных работников (страхование от несчастных случаев, оплата больничных листов).

Одной из главных проблем является разграничение трудовых и гражданско-правовых отношений в цифровой среде. Распространение договоров ГПХ, фактически регулирующих трудовые отношения, подрывает финан-

совую устойчивость Социального фонда России и лишает работников социальных гарантий [8, с. 55–63].

В постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 45 разъяснены критерии наличия трудовых отношений, однако практика показывает, что работодатели находят способы их игнорировать [9]. Необходимо дальнейшее совершенствование законодательства в этой части, в том числе путём введения дополнительных критериев для цифровой среды (например, степень контроля платформы за процессом выполнения работы).

Цифровизация трудовых отношений сопровождается ростом объёма обрабатываемых персональных данных работников. Законодательство (Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных») не в полной мере учитывает специфику цифрового мониторинга работников.

В зарубежных странах активно применяется право на отключение — право работника не отвечать на рабочие звонки и сообщения в нерабочее время. Во Франции это право закреплено законодательно, в Германии — регулируется коллективными договорами.

В России вопрос о праве на отключение пока не урегулирован, хотя его актуальность очевидна, особенно для дистанционных работников.

Проведённый анализ позволяет сделать следующие выводы.

1. Цифровая трансформация и модернизация экономики оказывают существенное влияние на правовое регулирование трудовых отношений, порождая новые формы занятости (дистанционная работа, платформенная заня-

тость, гибридные модели), которые требуют адекватного правового оформления.

2. Российское законодательство адаптировалось к распространению дистанционной работы (гл. 49.1 ТК РФ), однако остаются нерешёнными вопросы охраны труда, компенсации расходов и права на отключение. Регулирование платформенной занятости находится на начальном этапе и требует системного подхода.

3. Зарубежный опыт (Франция, Германия, Великобритания) демонстрирует различные подходы к регулированию нетипичных форм занятости, включая введение презумпции трудовых отношений, создание промежуточных правовых статусов и заключение отраслевых коллективных договоров.

4. Представляется целесообразным внесение следующих изменений в российское трудовое законодательство:

- закрепление права на отключение для дистанционных работников;
- разработка специальных норм о платформенной занятости (презумпция трудовых отношений, минимальные социальные гарантии);
- уточнение критериев разграничения трудовых и гражданско-правовых отношений в цифровой среде;
- усиление защиты персональных данных работников при цифровом мониторинге.

5. Дальнейшие исследования должны касаться влияния искусственного интеллекта на трудовые отношения, а также трансграничных аспектов дистанционной занятости.

Литература:

1. Лютов Н. Л. Адаптация трудового права к развитию цифровых технологий: вызовы и перспективы / Н. Л. Лютов // Актуальные проблемы российского права. — 2019. — № 6 (103). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/adaptatsiya-trudovogo-prava-k-razvitiyu-tsifrovyyh-tehnologiy-vyzovy-i-perspektivy> (дата обращения: 11.06.2026).
2. Закалюжная Н. В. Новая концепция занятости и развитие трудовых отношений в цифровую эпоху / Н. В. Закалюжная // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2023. — № 2. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/novaya-kontseptsiya-zanyatosti-i-razvitie-trudovyh-otnosheniy-v-tsifrovuyu-epohu> (дата обращения: 11.06.2026).
3. Федеральный закон от 08.12.2020 № 407-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации в части регулирования дистанционной (удалённой) работы и временного перевода работника на дистанционную (удалённую) работу по инициативе работодателя в исключительных случаях» // Собрание законодательства Российской Федерации от 14.12.2020. — № 50 (часть III). — Ст. 8052.
4. Федеральный закон от 22.11.2021 № 377-ФЗ «О внесении изменений в Трудовой кодекс Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 29.11.2021. — № 48. — Ст. 7.
5. Ляпанов А. В. Проблемы правового регулирования дистанционной работы в Российской Федерации / А. В. Ляпанов, Е. С. Купцова // Аграрное и земельное право. — 2024. — № 9 (237). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problems-pravovogo-regulirovaniya-distantsionnoy-raboty-v-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 11.06.2026).
6. Потёмкина О. Ю. Самозанятые или наёмные: проблема регулирования платформенного труда в ЕС / О. Ю. Потёмкина // Современная Европа. — 2024. — № 4 (125). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samozanyatye-ili-naemnye-problema-regulirovaniya-platformennogo-truda-v-es> (дата обращения: 11.06.2026).
7. Избиенова Т. А. Коллективные трудовые права в условиях цифровизации экономики: опыт европейских государств и отдельных стран — участниц БРИКС / Т. А. Избиенова // Lex Russica. — 2026. — № 5 (234). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kollektivnye-trudovye-prava-v-usloviyah-tsifrovizatsii-ekonomiki-opyt-evropeyskih-gosudarstv-i-otdelnyh-stran-uchastnits-briks> (дата обращения: 11.06.2026).

8. Лушников А. М. О будущем трудового права в эпоху перемен / А. М. Лушников, М. В. Лушникова // *European and Asian Law Review*. — 2018. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-buduschem-trudovogo-prava-v-epohu-peremen> (дата обращения: 11.06.2026).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.12.2021 № 45 «О некоторых вопросах, возникающих при рассмотрении судами общей юрисдикции дел об административных правонарушениях, связанных с нарушением трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права» // <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/403194241/#review> (дата обращения: 11.06.2026).

Дистанционная (удалённая) работа: модели правового регулирования

Чабанова Аксана Юрьевна, кандидат юридических наук, доцент;

Андреева Нина Владимировна, студент магистратуры;

Виноградова Анна Александровна, студент магистратуры

Московский финансово-юридический университет МФЮА

Статья посвящена сравнительно-правовому анализу моделей регулирования дистанционной (удалённой) работы в ведущих зарубежных юрисдикциях и России. На основе изучения опыта Германии, Франции, Великобритании, Италии, Швейцарии, Квебека (Канада), России выделяются три основные модели: коллективно-договорная (Франция, Италия), договорно-добровольная (Великобритания) и универсальная смешанная (Германия, Россия). Анализируются ключевые правовые институты: порядок введения дистанционной работы, режим рабочего времени, охрана труда, защита персональных данных, право на отключение. Выявляются направления совершенствования российского законодательства с учётом зарубежного опыта.

Ключевые слова: дистанционная работа, удалённая работа, телеработа, трудовой договор, право на отключение, охрана труда, сравнительное правоведение.

Цифровая трансформация экономики и форсированный переход на удалённый формат занятости в период пандемии COVID-19 кардинально изменили представления о традиционной организации труда. То, что ещё несколько лет назад рассматривалось как факультативная форма занятости, сегодня стало неотъемлемым элементом рынка труда. По оценкам, гибридные модели работы (чередование офисной и удалённой занятости) закрепились в большинстве развитых стран, а законодательства вынуждены адаптироваться к новым реалиям.

Различия в национальных правовых системах, культурных традициях и уровне технологического развития породили многообразие моделей правового регулирования дистанционной работы [1, с. 15; 4, с. 28]. В одних странах законодатель пошёл по пути детальной регламентации (Франция, Италия), в других — сохранил гибкость на уровне индивидуальных договорённостей (Великобритания), в третьих — сформировал смешанные модели, сочетающие элементы императивного и диспозитивного регулирования (Германия, Россия). Цель настоящей статьи — выявить типологические характеристики этих моделей и определить возможные векторы совершенствования российского законодательства.

Вне зависимости от национальной юрисдикции правовое регулирование дистанционной работы сталкивается с рядом универсальных проблем, требующих законодательного разрешения:

- определение рабочего места. В отличие от традиционной организации труда, при которой рабочее место находится под контролем работодателя, при дистанционной работе границы рабочего места размываются. Домашний офис — это частное пространство работника, что ограничивает возможности контроля со стороны работодателя и создаёт сложности в применении норм охраны труда [2, с. 39];
- режим рабочего времени. Стирание границ между личной жизнью и работой порождает риск цифрового переутомления и требует чёткого определения времени, в течение которого работник находится в распоряжении работодателя [10, с. 24];
- охрана труда и страхование от несчастных случаев. Вопросы о том, распространяются ли стандартные правила охраны труда на домашний офис и как доказывать несчастный случай на производстве, если он произошёл вне офиса, остаются дискуссионными во многих юрисдикциях [3, с. 6];
- защита персональных данных и право на неприкосновенность частной жизни. Удалённый формат повышает риски утечки конфиденциальной информации, а также создаёт предпосылки для чрезмерного цифрового мониторинга работников [5, с. 11];
- право на отключение (Right to Disconnect). Как обеспечить работнику возможность не отве-

чать на деловые звонки и сообщения в нерабочее время, сохраняя при этом связь в случае производственной необходимости? Этот вопрос сегодня находится в центре законодательных дискуссий в Евросоюзе [4, с. 10].

Особую остроту эти проблемы приобретают в трансграничном контексте, когда работник выполняет работу на территории одного государства в пользу работодателя, зарегистрированного в другом. В таком случае возникают вопросы о применимом праве, налоговой резиденции и социальном обеспечении [1, с. 7].

Анализ законодательства ведущих стран позволяет выделить три основные модели регулирования дистанционной работы: коллективно-договорную (преобладает во Франции и Южной Европе), договорно-добровольную (характерна для стран общего права) и универсальную смешанную (принята в Германии, России).

1. Модель коллективно-договорного регулирования (Франция, Италия). Правовой режим дистанционной работы во Франции детально регламентирован Трудовым кодексом (ст. L1222–9) и дополнен Национальным межпрофессиональным соглашением (ANI) 2005 года (обновлено в 2020 году) [1, с. 5]. Ключевой принцип — добровольность: дистанционная работа может быть введена только на основании взаимного согласия работника и работодателя. Исключения составляют лишь чрезвычайные ситуации (например, эпидемия). При этом отказ работника от дистанционной работы не является дисциплинарным проступком.

Законодательство требует, чтобы дистанционная работа оформлялась либо коллективным договором, либо хартией (внутренний нормативный акт), который определяет условия перехода на дистанционный режим, порядок взаимодействия и меры по защите от профессионального выгорания. Особое внимание уделяется равенству прав: дистанционные работники пользуются теми же гарантиями, что и офисные (доступ к обучению, карьерный рост, участие в социальной жизни коллектива).

Важнейшей новацией Франции стало законодательное закрепление права на отключение (*droit à la déconnexion*). Работодатель обязан проводить переговоры с профсоюзами о регламентации использования цифровых инструментов в нерабочее время, чтобы гарантировать работнику возможность полноценного отдыха. Несмотря на формально добровольный характер дистанционной работы, на практике пандемия COVID-19 привела к массовому распространению этого формата, и к 2023 году в стране было заключено более 2000 отраслевых и корпоративных соглашений о телеработе [1, с. 8].

Итальянская модель интересна тем, что законодатель различает телемедицину, которая относится к классической телеработе с фиксированным рабочим местом на дому, и гибкую работу (*lavoro agile*), охватывающую все остальные сферы удалённого труда [3, с. 6]. Последняя не требует выделения специального рабочего места и допускает смешанный график. Закон № 81/2017 закрепил принципы добровольности, равного обращения и право

на отключение. Однако после пандемии законодательство не было существенно обновлено, и многие вопросы регулируются на уровне индивидуальных соглашений.

2. Модель «право на запрос» (договорно-добровольная) (Великобритания). Страна демонстрирует принципиально иной подход, основанный на институте *flexible working* (гибкий режим работы) [7, с. 9]. Закон предоставляет каждому работнику право обратиться к работодателю с запросом об изменении условий труда, в том числе о переходе на дистанционный режим. Работодатель вправе отказать только на основаниях, исчерпывающий перечень которых установлен законом (например, дополнительная финансовая нагрузка, невозможность реорганизации труда, снижение качества).

Такой механизм позволяет сохранять высокую степень гибкости, адаптируя режим работы к индивидуальным потребностям каждого сотрудника. При этом, в отличие от Франции или Германии, британское законодательство не требует обязательного заключения коллективных договоров или разработки детализированных корпоративных политик. Однако практика показывает, что наиболее успешные компании всё же разрабатывают внутренние регламенты для единообразного применения правил [8, с. 11].

3. Универсальная смешанная модель (Германия, Россия). В германском праве принципиальное значение имеет конституционная гарантия неприкосновенности жилища (ст. 13 Основного закона ФРГ). Это ограничивает для работодателя возможность контроля за домашним офисом и вмешательства в частную жизнь работника. До пандемии COVID-19 работодатель не мог обязать сотрудника работать из дома. Однако закон о защите от инфекций (IfSG) в период кризиса временно изменил баланс: работодатель получил право требовать перехода на удалённый режим, а работнику вменили в обязанность согласиться (при отсутствии уважительных причин для отказа) [1, с. 9].

Постпандемийная дискуссия в Германии сосредоточилась на закреплении за работником права на переговоры о мобильной работе, обязанности работодателя фиксировать рабочее время удалённых сотрудников (удалёнщиков) и распространении страхования от несчастных случаев на работу дома. Часть этих инициатив уже нашла отражение в законе о модернизации производственных советов (июнь 2021 года) [5, с. 8].

Российское законодательство (гл. 49.1 ТК РФ) закрепило три формы дистанционной работы: постоянную (весь срок действия договора), временную (не более шести месяцев) и периодическую (чередование с офисной) [11]. Ключевыми особенностями являются: возможность заключения трудового договора путём обмена электронными документами с использованием усиленной квалифицированной электронной подписи; особый порядок расторжения договора по инициативе работодателя (в случае невыхода работника на связь без уважительных причин); необходимость компенсации расходов, связанных с использованием личного имущества.

Однако, несмотря на формальную детализацию, российское законодательство оставляет открытым ряд вопросов: отсутствует прямой запрет на мониторинг работников (право на отключение), не урегулирован порядок страхования несчастных случаев на дому, а компенсационные выплаты носят скорее рекомендательный характер. Кроме того, практика применения сталкивается с проблемой разграничения дистанционной работы и гражданско-правовых отношений (особенно в сегменте платформенной занятости) [1, с. 10].

Отдельно рассмотрим североамериканский гибрид (Квебек (Канада), США). В Квебеке отсутствует специальный закон о телеработе. Дистанционная работа регулируется рамочной политикой для государственного сектора (2022 год), которая распространяет на удалённых действие акта об охране труда, закрепляет добровольный характер перехода (не более трёх дней в неделю) и обязывает работодателя обеспечивать оборудование, техническую поддержку и безопасные условия труда. В частном секторе нормы смягчены, что привело к появлению компаний с полным отказом от удалённой работы [6, с. 11].

В США на федеральном уровне специального регулирования удалённой работы нет, сложилось «лоскутное одеяло» из законов штатов. Отсутствие единых стандартов осложняет положение мультиштатных корпораций и трансграничных работников.

Значимую роль в гармонизации подходов играют акты Международной организации труда (МОТ) и Европейского союза. Рамочное соглашение о телеработе 2002 года, заключённое европейскими социальными партнёрами, определило базовые стандарты: добровольность, равенство прав, защиту данных и право на уединение. Это соглашение было имплементировано в национальные законодательства различными способами — от принятия законов до распространения коллективных договоров [1, с. 8].

Сегодня на уровне ЕС обсуждается директива о праве на отключение, а также рассматривается возможность принятия специального акта о платформенной занятости, который затронет и дистанционные сегменты. Суд Европейского союза в ряде решений (Matzak; CCOO) сформулировал важные позиции: время дежурства на дому может признаваться рабочим временем, а работодатель обязан вести учёт фактической ежедневной работы [3, с. 9].

В академическом дискурсе выделяют три поколения организации телеработы: домашний офис (фиксированное место), мобильный офис (различные локации) и виртуальный офис (полная децентрализация). Сегодня мир находится в стадии перехода от второго к третьему.

Проведённый анализ позволяет систематизировать национальные модели по нескольким критериям. Результаты сведём в таблицу 1.

Таблица 1. Сравнительный анализ моделей правового регулирования дистанционной работы

Критерий	Франция / Италия	Великобритания	Германия / Россия	Квебек
Основание перехода	Взаимное согласие (кроме чрезвычайных ситуаций)	Право работника на запрос	Добровольность, но с возможностью требовать баланса интересов	Добровольность в государственном секторе, гибкость в частном
Форма регулирования	Коллективный договор / хартия	Индивидуальное соглашение	Отраслевые дискуссии / глава в ТК РФ	Рамочная политика (госсектор)
Право на отключение	Закреплено законодательно	Отсутствует на федеральном уровне	Отсутствует	Отсутствует
Охрана труда	Распространяется полностью	Распространяется частично	Распространяется, но с пробелами	Распространяется (госсектор)

Условное деление на модели помогает выявить разницу в акцентах: Франция и Италия делают ставку на социальный диалог и защиту работника, Великобритания — на индивидуальную гибкость, Германия и Россия ищут баланс между конституционными правами и производственной необходимостью, Квебек опирается на рамочное регулирование с оговорками.

Итак:

1. Многообразие моделей — объективное следствие различий в правовых системах, культуре труда и уровне цифровизации. Механическое копирование опыта одной страны невозможно, но полезен анализ отдельных институтов.

2. Ключевые направления правового развития — это закрепление права на отключение (вслед за Францией), чёткая регламентация охраны труда на дому, создание

механизмов компенсации расходов и защита персональных данных.

3. Для России наиболее актуальны следующие возможные заимствования:

- легальное закрепление права на отключение (по аналогии с Францией) для предотвращения профессионального выгорания;
- распространение обязательного социального страхования от несчастных случаев на домашний офис (по примеру Германии);
- детализация критериев разграничения трудового договора и договора ГПХ в цифровой среде (с учётом директив ЕС);
- внедрение рискориентированного подхода при организации охраны труда удалённых работников.

4. Перспективные исследования должны быть направлены на изучение правового регулирования платформенной занятости (гиг-экономики), которая часто использует дистанционные форматы, но не вписывается в классическую модель трудовых отношений. Требуют анализа также трансграничные аспекты: применимое право, налогообложение, социальное обеспечение «цифровых ковчежников».

5. Законодательное регулирование не должно быть излишне жёстким, сковывающим технологическую гибкость, но обязано устанавливать минимальные стандарты

защиты работников от рисков, порождаемых новой реальностью. Оптимальная модель — гибкое императивное регулирование, при котором закон определяет рамки, а детали заполняются коллективными договорами и корпоративными политиками.

В целом дистанционная работа — это не временная мера, а новый стандарт. Задача юриста — выстроить правовую конструкцию, обеспечивающую справедливый баланс интересов работников и работодателей в цифровую эпоху.

Литература:

1. Employment-Based Telework in Comparative Perspective: National Legal Systems and International Normative Frameworks // JILPT Research Report No. 219. — Tokyo: The Japan Institute for Labour Policy and Training, 2022.
2. Caputo A. When in Rome, Work from Home? How Organizations Regulate Remote Work in Italy, France, Switzerland, and Quebec / A. Caputo, et al. // Social Sciences. — 2026. — Vol. 15. — No. 2. — P. 93. — DOI 10.3390/socsci15020093.
3. Employment Law in Europe / C. Moorhouse, E. Field (eds.). — Fourth edition. — London: Bloomsbury Professional Ltd., 2024.
4. Camas Roda F. The right to digital disconnection from a European perspective: proposals for its regulation, practice, and initial effects on the existing regime in Spain / F. Camas Roda // IDP. Internet, Law and Politics E-Journal. — 2025. — No. 44. — DOI 10.7238/idp.v0i44.9803877.
5. Sava Z. The Global Shift Towards Remote Work and its Legal Implications / Z. Sava // Interdisciplinary Journal of Research and Development. — 2025. — Vol. 12. — No. 1.
6. De Vos M. The Cambridge handbook of technological disruption in labour and employment law / M. De Vos, G. Anderson, E. Verhulp (eds.). — Cambridge University Press, 2024.
7. How can employers adapt to the evolving international employment law landscape? // Osborne Clarke, 29 March 2023. — URL: <https://www.osborneclarke.com/insights/how-can-employers-adapt-evolving-international-employment-law-landscape> (дата обращения 14.06.2026).
8. New Ways of Working: A comparative reference tool // International Organisation of Employers, October 2021. — URL: <https://www.internationalemploymentlawyer.com/new-ways-of-working> (дата обращения 14.06.2026).
9. Barański M. Homework in the Countries of the Visegrad Group (V4): A Comparative Legal Study / M. Barański, N. Richter-Sitko // Review of European & Comparative Law. — 2026. — Vol. 64. — No. 1. — P. 65.
10. Right to disconnect // European Parliament Research Service, Briefing PE 689.348, May 2021. — URL: <https://www.europeansources.info/record/the-right-to-disconnect/> (дата обращения 14.06.2026).
11. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 25.04.2026) // Собрание законодательства Российской Федерации от 07.01.2002 — № 1 (ч. I). — Ст. 3.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО И КРИМИНОЛОГИЯ

Сложные вопросы квалификации наемничества. Отграничение наемничества от смежных составов преступлений

Суханова Елена Витальевна, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Проблема квалификации наёмничества остаётся одной из наиболее сложных в современной уголовно-правовой практике. Неоднозначность законодательных формулировок обеспечивает отсутствие чётких критериев отграничения от смежных составов, и даже размытость границ между наёмничеством и легальной военной деятельностью. Исторически наемники использовались в военных конфликтах как инструмент ведения боевых действий без официального участия государств. Помимо всего прочего, тесная связь с международным правом и вооружёнными конфликтами предполагает, что их участники часто имеют сложный правовой статус.

Для качественного отграничения наемничества от смежных деяний, необходимо провести комплексный анализ объективных признаков составов преступлений, предусмотренных ст. 359 УК РФ.

Все преступления в главе «Преступления против мира и безопасности человечества» объединены общим видовым объектом, которым является поддержание мирного сосуществования государств и народов, обеспечение глобальной безопасности и стабильности, соблюдение норм и принципов международного правопорядка.

В российской уголовно-правовой доктрине отсутствует единый подход к определению непосредственного объекта наёмничества. Анализ научных позиций выявляет некоторые расхождения во мнениях ученых-правоведов.

А. И. Рарог и М. Г. Левандовская определяют непосредственный объект этого преступления как «общественные отношения, обеспечивающие соблюдение принципов правового регулирования вооруженных конфликтов в целях их максимально возможной гуманизации» [5].

По мнению В. Н. Кудрявцева, непосредственным объектом выступает мирное сосуществование государств, а дополнительным — порядок формирования национальных вооружённых сил [9].

К. Л. Осипов в своих трудах придерживается более традиционной идеи и определяет объект наемничества, как «мирное сосуществование государств, а также стабильность международных отношений, а также выделяет факультативные объекты: а) регламентированные

международным правом средства и методы войны; б) законные формирования национальных вооруженных сил государства; в) общественные отношения в сфере предпринимательской, банковской и финансовой деятельности; г) интересы государственных и негосударственных организаций, где по контракту либо по договору служит виновный; д) интересы несовершеннолетнего [7].

Анализ структуры ст. 359 УК РФ позволяет выделить два самостоятельных состава преступления, объединённых общим понятием «наёмничество». Первый представляет собой вербовку, обучение, финансирование или иное материальное обеспечение наёмника (ч. 1 ст. 359 УК РФ). Второй связан с непосредственным участием наёмника в вооружённом конфликте или боевых действиях (ч. 3 ст. 359 УК РФ).

Таким образом, чёткое разделение на организационную деятельность (ч. 1–2) и исполнительскую (ч. 3) логично и соответствует принципам дифференциации уголовной ответственности.

Законодательство не дает точных определений понятиям вербовка, обучение и финансирование.

Если обратиться к толкованию терминов из статьи 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности», то склонение, вербовка или иные формы вовлечения лица (лиц) в совершение преступлений, предусмотренных данной статьей, включают умышленные действия, направленные на побуждение к противоправной деятельности. К таким действиям, в частности, относятся способы психологического воздействия (уговоры, убеждение, подкуп, запугивание, просьбы, предложения), применение физического насилия и другие действия, в том числе совершенные посредством размещения материалов на различных носителях и распространения через информационно-телекоммуникационные сети [3].

Однако для целей статьи 359 УК РФ данная формулировка является не совсем подходящей. Наемническая вербовка связана скорее с наймом для участия в военных действиях за вознаграждение и обязательно предполагает материальную заинтересованность. А вербовка по смыслу положений постановления Пленума направлена именно на вовлечение в преступную террористическую деятель-

ность и часто основана на идеологической или религиозной мотивации, нежели материальной выгоде.

В связи с этим, кажется необходимым внести в законодательство более конкретные положения, с целью развести данные понятия и разграничить объективные стороны составов.

Впервые понятие «наемник» было официально закреплено в 1977 году, с принятием Дополнительного протокола I к Женевским конвенциям, заключенным в 1949 году. В п. 2 ст. 47, определено, что наемник — это лицо:

- 1) специально завербованное на месте или за границей, чтобы сражаться в вооруженном конфликте;
- 2) фактически принимающее участие в военных действиях;
- 3) руководствующееся целью получить личную выгоду, материальное содержание которой значительно превышает вознаграждение, выплачиваемое комбатантам, входящим в личный состав вооруженных сил данного государства;
- 4) не являющееся гражданином государства, находящегося в конфликте, или не проживающее постоянно на его территории, а также не входящее в личный состав вооруженных сил сторон, находящихся в конфликте;
- 5) не направленное государством, которое не является стороной, находящейся в конфликте, для выполнения официальных обязанностей по его поручению в качестве лица, входящего в состав его вооруженных сил.

Сравнивая дефиницию, данную в нашем законодательстве, с положениями международных конвенций, можно выделить важный признак вознаграждения, который в примечании к норме в Уголовном кодексе РФ отсутствует, — побуждение к совершению преступления действительным обещанием выплаты или выплатой такого материального вознаграждения, размер которого существенно превышает жалование, выплачиваемое комбатантам такого же ранга и с такими же функциями из числа военнослужащих данной стороны. Этот признак подчеркивает цель наемника в получении выгоды, заключающуюся в получении заведомо большего материального вознаграждения, чем у лиц, выполняющих схожие функции на законном основании, в качестве служащего личного состава вооруженных сил стороны, непосредственно участвующей в вооруженном конфликте.

Кроме того, ст. 359 УК РФ не содержит прямого указания на то, что наёмник не может быть лицом, участвующим в вооружённом конфликте в составе регулярных вооружённых сил одной из сторон.

В современном кодексе статья о наемничестве включена в состав раздела «Преступления против мира и безопасности» и одноименной главы УК РФ. Тем не менее, ряд правоведов подвергают сомнению обоснованность расположения данной статьи в структуре кодекса, предлагая отнести её либо к преступлениям против основ конституционного строя и безопасности государства, либо к посягательствам на порядок несения военной

службы. По моему мнению, законодатель неслучайно избрал именно такой объект преступного посягательства.

Наемничество рассматривается как преступление против мира и безопасности по нескольким причинам:

1. Наемники не подпадают под те же правовые нормы, что и военнослужащие регулярных военных формирований, что затрудняет привлечение их к ответственности за преступления против военной службы. Наемники, как правило, не являются частью регулярных вооруженных сил.

2. Действия наемников представляют угрозу международной стабильности. Наемники могут участвовать в конфликтах, которые подрывают мир и безопасность во множестве стран и регионов. Их действия могут способствовать эскалации насилия и дестабилизации государств.

3. Деятельность наёмников на территории иностранных государств без санкции их властей расценивается как нарушение суверенитета и вмешательство во внутренние дела государств.

4. Наемничество может способствовать длительности конфликтов, так как наемники могут быть заинтересованы в продолжении боевых действий для получения прибыли, что противоречит усилиям по достижению мира.

Все вышеперечисленные объекты и цели данного посягательства представляют собой нарушение общепризнанных международных принципов права, поэтому не могут ограничиваться только внутригосударственной или военной сферой.

Важно ограничивать наемничество от организации незаконного вооруженного формирования или участия в нем. Согласно части 1 статьи 208 ответственность наступает за создание вооруженного формирования, не предусмотренного федеральным законом, руководство таким формированием или его финансирование. Конкретная цель такого создания в самой статье не указана, что и порождает сложности в отграничении преступлений. Однако, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» указывает в качестве примеров следующие цели: совершение террористических актов, насильственное изменение основ конституционного строя или нарушение территориальной целостности Российской Федерации — как такового значения для квалификации они значения не имеют. Главная же цель наемника носит не политический характер, а состоит в получении материального вознаграждения.

Кроме того, организация вооружённого формирования подразумевает действия, связанные с его созданием, руководством, финансированием, а также материально-техническим обеспечением. Поскольку законодательство не даёт четкого определения некоторых понятий, под ними могут пониматься схожие с наемническими вербовка участников, их обучение, и финансовое обеспечение.

Одним из действий объективной стороны этого состава является участие в незаконном вооруженном формировании. Однако, в примечании участие именно в вооруженном конфликте или военных действиях является обязательным признаком лица, привлекаемого к ответственности за наемничество. В то время как участвовать в незаконном вооруженном формировании можно различным образом, а именно, выполняя функциональные обязанности по обеспечению деятельности формирования. Но конечно существуют случаи, когда участник вооруженного формирования принимает непосредственное участие в военных действиях, такой состав предусмотрен ч. 3 статьи 208 УК РФ, и в данном случае с квалификацией преступления разобраться довольно сложно.

Таким образом, законодателю необходимо более конкретно определить элементы объективной стороны для каждого состава, такие как организация, руководство, финансирование, с целью развести и конкретизировать схожие понятия, дополнить их спецификой каждого преступления в отдельности.

Важно также различать наёмников и добровольцев, поскольку эти статусы имеют принципиально разную правовую специфику. Доброволец — это лицо, которое сознательно и без корыстных побуждений присоединяется к одной из воюющих сторон, руководствуется идеологическими, политическими или иными убеждениями, действует в рамках законных вооружённых формирований. Такие лица часто имеют гражданство или устойчивые исторические и этнические связи со стороной конфликта. Добровольцы, соблюдающие законы войны, могут получить статус законных комбатантов.

Таким образом, граница между добровольцами и наемниками очень размытая. С точки зрения международного права, добровольцы сохраняют право на защиту, в то время как наёмники её лишаются.

Судебная практика демонстрирует, что преступники часто прибегают к подмене фактов истинного участия в конфликте с целью переqualифицировать свои действия, представляя себя в качестве добровольцев, и избежать уголовной ответственности. Например, осужденный С. пытался сослаться на то, что добровольно поехал на территорию Сирийской Арабской Республики, чтобы оказывать медицинскую помощь, а не с целью участия в боевых действиях за вознаграждение, но суд, изучив доказательную базу, определил, что С. являлся наемником, и вынес ему наказание в виде лишения свободы по ч. 3 ст. 359 УК РФ [4].

Литература:

1. Дополнительный протокол № I (1977 г.) к Женевским конвенциям 1949 г. // Международная защита прав и свобод человека: Сб. документов. М., 2010. С. 570–658.
2. «Уголовный кодекс Российской Федерации» от 13.06.1996 № 63-ФЗ // «Собрание законодательства РФ», 17.06.1996, № 25, ст. 2954.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // СПС «КонсультантПлюс»

Еще одной проблемой является то, что наемники нередко становятся инструментом эскалации насилия и дестабилизации, активно используются в интересах экстремистских и террористических организаций. Будучи профессиональными бойцами, готовыми воевать за материальное вознаграждение, они усиливают боевые возможности незаконных формирований, способствуя расширению их влияния.

В последние годы заметным явлением в российской внешней и внутренней политике стали частные военные компании (ЧВК). В современных реалиях они демонстрируют, как подобные структуры могут использоваться для решения задач, в которых прямое участие официальных вооружённых сил нежелательно. По определению некоторых исследователей, государства, участвующие в международных вооруженных конфликтах, делегировали свои полномочия в части легального применения силы юридическим лицам [8].

Примечательно, что первый в России обвинительный приговор за наемничество был вынесен именно создателям ЧВК «Славянский корпус», действовавшей в Сирии в 2013–2014 годах. Бывшие военные принимали участие в боевых действиях против сирийской оппозиции, осуществляли охрану ценных стратегических объектов. После возвращения из Сирии группа россиян была задержана и обвинена в совершении преступления, предусмотренного по ст. 359 УК РФ. Однако, на мой взгляд, его квалификация оказалась не совсем точной. Наряду со статьей 359 УК РФ деяние следовало квалифицировать и по статье 208 УК РФ. Суду необходимо было учесть наличие нескольких составов преступлений и назначить наказание по совокупности преступлений. Такая квалификация наиболее точно отражала бы специфику создания незаконной частной военной компании, в связи с отсутствием отдельной нормы в Кодексе.

Многие государства имеют свои собственные законы, регулирующие деятельность ЧВК, но в РФ такого инструмента регулирования на данный момент нет. Поэтому часто возникают противоречия в связи с наличием в УК статьи о наемничестве. Несмотря на существующие правовые механизмы, наемничество остается актуальной проблемой, требующей комплексного подхода. Анализ международных правовых норм и национального законодательства показал, что квалификация на практике затруднена из-за расплывчатых формулировок норм, что требует существенных доработок.

4. Апелляционное определение суда Ямало-Ненецкого автономного округа от 28.05.2015 г. по делу № 22–456/2015 // СПС «КонсультантПлюс»
5. Левандовская, М. Г. Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник // М. Г. Левандовская, А. И. Рарог. — 2007. — С. 329.
6. Кузнецова, Н. Ф. Проблемы квалификации преступлений: лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений» // Н. Ф. Кузнецова; науч. ред. и авт. предисл. В. Н. Кудрявцев. — М.: Городец, 2007. — 335 с.
7. Осипов К. Л. Ответственность за наемничество по российскому уголовному законодательству: дис. канд. юрид. наук: 12.00.08. — Кисловодск, 2003. — 178 с.
8. Скоробогатова О. В., Кузнецова К. Е. Наемничество и частные военные компании в контексте современного международного и российского права // Вестник Амурского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2019. № 86.
9. В. Н. Кудрявцев Проблемы квалификации преступлений: Лекции по спецкурсу «Основы квалификации преступлений». 2007

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС И КРИМИНАЛИСТИКА

Участие прокурора при заочном рассмотрении уголовных дел судами

Буянова Лада Дмитриевна, студент
Волгоградский государственный университет

Автор анализирует реализацию заочного производства в уголовном процессе, исследует правовые основания, условия реализации, а также актуальность заочного производства судами первой инстанции.

Ключевые слова: уголовный процесс, прокурор, государственный обвинитель, заочное производство, заочное судебное разбирательство, подсудимый, правосудие.

Заочное производство не является новым для российского уголовно-процессуального законодательства, оно берет начало в главе пятой Устава Уголовного судопроизводства 1864 года «О заочных приговорах» в котором говорится: «Если обвиняемый в проступке, за который полагается наказание не свыше ареста, не явится и не пришлет поверенного к назначенному сроку или же хотя и пришлет поверенного, но по такому делу, по которому он сам вызывался лично, то мировой судья постановляет заочный приговор» [1], помимо того данное производство велось в Судебной палате при рассмотрении дела в порядке апелляционном и кассационном. Во всех остальных же случаях дело должно было быть отложено и при этом, должны быть приняты меры по явке подсудимого в следующий процесс для рассмотрения дела.

В настоящее время в России заочное производство реализуется в том числе и по уголовным делам. Представитель Генпрокуратуры России подчеркнула, что в первом полугодии 2025 года суды заочно рассмотрели 559 уголовных дел, в то время как за весь 2024 год — 867, за 2023—643 дела. Таким образом, если ранее заочное рассмотрение дел считалось исключением из правил, то теперь превратилось в абсолютно «рутинную работу». Представляется, что рост числа заочных приговоров можно связать с началом Специальной военной операции (далее — СВО), а также с принятием Федерального закона «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием» от 14.07.2022. С начала СВО по настоящее время судами заочно выносятся приговоры в отношении украинских военнослужащих. Также, после закрепления в Федеральном законе «О контроле за деятельностью лиц, находящихся под иностранным влиянием», понятия «иностранец» и создания реестра иностранных агентов, в отношении лиц, включенных в данный перечень, заочно выносятся приговоры за совершение преступлений, закрепленных в законодательстве Российской Федерации. Так как в большинстве

случаев вышеуказанные лица находятся за пределами Российской Федерации, в связи с необходимостью соблюдения сроков рассмотрения уголовных дел, суды заочно выносят приговоры. Таким образом сейчас, в Российской Федерации стремительно набирает актуальность заочное рассмотрение судами уголовных дел.

Теоретическое осмысление заочного производства требует уточнения его понятийных границ. Как отмечает Е. С. Азарова, «в уголовном процессе понятие «заочное» может употребляться в нескольких смыслах. С одной стороны, в отношении отдельного процессуального действия, с другой как вид процессуального производства. Исходя из этого, заочное судебное производство по уголовным делам понимается как рассмотрение дела по существу судом первой инстанции, в котором не принимает участие подсудимый» [2, с. 98].

По общему правилу разбирательство по уголовному делу происходит с обязательным участием в заседании подсудимого, однако ст. 247 УПК РФ предусматривает основания, позволяющие суду рассмотреть уголовное дело в отсутствие подсудимого. К таким основаниям относятся: 1) судебное разбирательство в отсутствие подсудимого может быть допущено в случае, если по уголовному делу о преступлении небольшой или средней тяжести подсудимый ходатайствует о рассмотрении данного уголовного дела в его отсутствие [3], 2) в исключительных случаях судебное разбирательство по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях, а также по некоторым уголовным делам о преступлениях небольшой или средней тяжести, может проводиться в отсутствие подсудимого, который находится за пределами территории Российской Федерации и (или) уклоняется от явки в суд, если это лицо не было привлечено к ответственности на территории иностранного государства по данному уголовному делу [3].

Участие прокурора (государственного обвинителя) в таких процессах приобретает особую значимость, по-

сколькo отсутствует одна из ключевых сторон — сам подсудимый, что усиливает риски нарушения баланса интересов, неполного исследования обстоятельств и ошибок правосудия. Участие прокурора при заочном рассмотрении уголовных дел — это не формальность, а ключевой элемент обеспечения справедливого правосудия. Оно компенсирует отсутствие подсудимого, укрепляет состязательность, защищает права граждан и интересы государства, а также способствует вынесению законных и обоснованных приговоров. В условиях роста числа заочных дел роль прокурора только возрастает, подчеркивая его статус как независимого гаранта законности в уголовном процессе.

Однако участие государственного обвинителя при заочном рассмотрении дел судами сопряжено с рядом объективных и субъективных проблем, которые могут влиять на качество правосудия, соблюдение принципа состязательности и права участников процесса. К таким проблемам относятся:

1. Нарушение принципа состязательности и неполнота исследования обстоятельств дела: в отсутствие подсудимого сторона защиты часто представлена только адвокатом, что ослабляет опровержение позиции обвинения. Прокурор вынужден нести повышенную нагрузку по представлению и исследованию доказательств, но суд может столкнуться с ограниченными возможностями проверки показаний, оценки личности подсудимого и выявления смягчающих обстоятельств. Это повышает риск необоснованного осуждения или, напротив, оправдания из-за неполноты доказательственной базы.

2. Сложности с обеспечением прав подсудимого и уведомлением: прокурор участвует в контроле за надлежащим извещением подсудимого (особенно находящегося за границей). Однако на практике возникают проблемы с подтверждением вручения копий процессуальных документов, что может привести к отмене приговора в вышестоящих инстанциях. Прокурор рискует поддерживать обвинение в условиях потенциального нарушения права на защиту.

3. Повышенная ответственность прокурора за качество обвинения: без личного участия подсудимого (дачи показаний, заявления ходатайств) прокурор должен максимально полно и объективно представить все доказательства. Ошибки в позиции обвинения (недостаточная доказанность, неправильная квалификация) чаще приводят к оправдательным приговорам или возвращению дел. Это особенно актуально по делам с международным элементом.

4. Организационные и практические трудности: необходимость тщательной подготовки к прениям без возможности оперативной реакции на позицию подсудимого; проблемы в делах о тяжких и особо тяжких преступлениях (ч. 5 ст. 247 УПК РФ), где «исключительность» случая трактуется неоднозначно; недостаточная мотивация решений о заочном рассмотрении, что осложняет работу прокурора по поддержанию обвинения.

Пути решения вышеуказанных проблем:

1. Совершенствование законодательного регулирования: уточнить критерии «исключительных случаев» (ч. 5 ст. 247 УПК РФ) с примерным перечнем (особая общественная опасность, невозможность экстрадиции и т. д.); разработать дополнительные гарантии уведомления (использование современных средств связи, международного сотрудничества).

2. Повышение качества подготовки государственных обвинителей: специализированная подготовка прокуроров по заочным делам: акцент на всестороннем анализе доказательств, прогнозировании возможных возражений защиты; разработка методических рекомендаций Генпрокуратуры по тактике поддержания обвинения в отсутствие подсудимого; использование цифровых технологий (видеоконференцсвязь, электронные доказательства) для усиления состязательности.

3. Усиление прокурорского надзора на досудебных стадиях: более тщательный контроль за полнотой расследования в отношении лиц, находящихся в розыске.

Таким образом, участие прокурора при заочном рассмотрении уголовных дел — это не формальность, а необходимое условие реализации конституционных принципов уголовного процесса. Оно обеспечивает законность, защищает права участников процесса и способствует достижению целей правосудия в современных условиях, когда уклонение от суда становится всё более распространённой практикой.

Проблемы участия прокурора в заочном рассмотрении уголовных дел в основном связаны с ослаблением состязательности, повышенными требованиями к доказыванию и рисками нарушения процессуальных гарантий. Их решение требует комплексного подхода: законодательных уточнений, профессиональной подготовки прокуроров и усиления надзора. Это позволит повысить эффективность заочного производства, минимизировать судебные ошибки и обеспечить реальную защиту как публичных интересов, так и конституционных прав граждан. Активная и квалифицированная позиция прокурора остается ключевым фактором законности и справедливости в таких делах.

Литература:

1. Устав уголовного судопроизводства. — Текст: электронный // constitution.garant.ru: [сайт]. — URL: <https://constitution.garant.ru/history/act16001918/3137/?ysclid=mqv2lq91h67360502>.
2. Азарова Е. С. Заочное производство в уголовно-процессуальной системе на стадии судебного разбирательства // Вестник Российского университета кооперации. — 2016 — № 4 (26). — С. 98–100.
3. «Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации» от 18.12.2001 № 174-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации — Ст. 247 с изм. и допол. в ред. от 10.06.2026.

К вопросу об обоснованности расширения компетенции суда присяжных и риски деградации института в современной России

Зенин Евгений Федорович, студент

Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

В статье анализируется современное состояние института суда присяжных в Российской Федерации. На основе данных за 2025 г. и прогнозов на 2026 г. выявляется противоречие между стабилизацией числа рассматриваемых дел и сохраняющимся «замораживающим эффектом», препятствующим расширению его компетенции. Обосновывается необходимость включения в подсудность присяжных дел о превышении пределов необходимой обороны и отдельных категорий экономических преступлений. Отдельное внимание уделяется деструктивным тенденциям: аномально высокому проценту отмены оправдательных приговоров, злоупотреблениям роспуском коллегии присяжных, ввиду недостатка нынешнего уровня юридической техники, и низкой явке кандидатов. Предлагается комплекс системных мер, направленных на защиту института суда присяжных, включая законодательное ограничение оснований для отмены оправдательных вердиктов, четкую регламентацию роспуска коллегии и усиление материального стимулирования присяжных.

Ключевые слова: суд присяжных, расширение компетенции, оправдательный приговор, отмена приговора, необходимая оборона, экономические преступления, роспуск коллегии присяжных, обвинительный уклон, Российская Федерация.

Институт суда присяжных в Российской Федерации, возрожденный в постсоветский период после почти семидесятилетнего перерыва, традиционно рассматривается как важнейшая гарантия независимого и состязательного правосудия. Однако анализ официальных данных Судебного департамента при Верховном Суде РФ за 2025 год, а также прогнозных показателей на 2026 год обнаруживает глубокое противоречие. С одной стороны, количество уголовных дел, ежегодно рассматриваемых с участием присяжных заседателей, стабилизировалось на уровне примерно 1400 дел в год, что свидетельствует о преодолении организационного «коллапса», вызванного в свое время низкой явкой кандидатов и сложностями формирования коллегий. С другой стороны, эта стабильность, как справедливо отмечает профессор С. А. Насонов, имеет и обратную сторону — она демонстрирует наличие «замораживающего эффекта», препятствующего существенному росту числа процессов в данной форме судопроизводства [7]. В условиях, когда профессиональные судьи в общем порядке оправдывают менее 0,5% подсудимых, а присяжные заседатели — около 18–25%, с пиковыми показателями 32% в первой половине 2025 года, возникает естественный вопрос: почему столь эффективный с точки зрения защиты прав человека механизм не востребован в полной мере и постоянно находится под угрозой дальнейшего сужения его компетенции? Настоящая статья ставит своей целью обосновать необходимость расширения подсудности суда присяжных, одновременно проанализировав деструктивные тенденции в правоприменительной практике, в том числе аномально высокий процент отмены оправдательных приговоров и злоупотребления институтом роспуска коллегии, которые могут привести к фактической ликвидации этого института, если законодатель и высшие судебные инстанции не предпримут срочных мер по его защите.

Любая дискуссия о судьбе суда присяжных должна начинаться с опровержения популярного в среде консервативных процессуалистов тезиса о его «чужеродности» континентальной правовой системе, к которой

традиционно относят Россию. Критики института часто утверждают, что англосаксонская модель, где присяжные решают вопросы факта на основе «здравого смысла» без участия профессионального судьи, будто бы не соответствует менталитету и исторической традиции нашей страны. Однако такой взгляд, по моему мнению, противоречит не только современным конституционным положениям, закрепляющим право граждан на участие в отправлении правосудия, но и данным историко-правового анализа. Еще до Судебной реформы Александра II, ознаменовавшейся введением суда присяжных Уставами уголовного судопроизводства 1864 года, в отечественной практике существовали формы непосредственного участия представителей общества в уголовном процессе — достаточно вспомнить «суды совести» или советные суды, учрежденные в эпоху Екатерины II [3].

Так, Н. Д. Сергеевский, опровергая скептиков XIX века, сказал «наш суд присяжных не является ни плодом исторической жизни русского народа, ни результатом борьбы народа с правительством; он есть нововведение, подражание, он... дан Монаршей волей...» — и в то же время он остается «верен нашей вековой судебной традиции» привлечения «добрых и совестных людей» к оценке преступных деяний [6]. Более того, выдающийся дореволюционный юрист И. Г. Щегловитов справедливо подчеркивал, что, даже будучи заимствованным из западноевропейского опыта, суд присяжных со временем приобрел «характер национального учреждения», абсорбировав специфические черты русского правосознания — стремление к справедливости, а не формальной законности, милосердие и коллективность принятия решения [14].

Возрожденный в 1993 году, российский суд присяжных не стал слепой копией ни американского, ни французского образца. Как отмечает в своих работах С. А. Насонов, современная российская модель представляет собой уникальный комбинированный морфологический тип, который органично сочетает в себе элементы англосаксонского и континентального подходов [5]. Таким образом, утверждение о «чужеродности» суда присяжных для России не выдерживает критики:

данный институт имеет глубокие исторические корни и органично вписывается в эволюцию отечественного уголовного судопроизводства. Следовательно, его развитие и расширение подсудности являются не «экспериментом», а восстановлением и укреплением собственной правовой традиции.

Наиболее ярким и бесспорным примером необходимого расширения компетенции присяжных является внесенный в Государственную Думу в 2025 году законопроект № 1073282–8, которым предлагается передать на рассмотрение суда с участием присяжных, на уровне районного звена, уголовные дела о преступлениях, совершенных при превышении пределов необходимой обороны — а именно ч. 1 ст. 108 и ч. 1 ст. 114 Уголовного кодекса РФ [8]. Эту инициативу, по моему глубокому убеждению, следует однозначно поддержать.

В чем заключается специфика этих составов? В отличие от, скажем, экономических или должностных преступлений, требующих глубоких специальных познаний, дела о необходимой обороне являются классическими «слушаниями о факте». Ключевые обстоятельства здесь — это не юридические квалификации, а оценка конкретной ситуации: была ли угроза нападения реальной, соразмерны ли действия оборонявшегося характеру посягательства, не превысил ли он пределы дозволенного, действовал ли он в состоянии аффекта или страха. Как справедливо замечает С. А. Насонов, «присяжные решают данные задачи очень хорошо», поскольку они руководствуются не абстрактной догмой, а «сложившимся в обществе представлением о справедливости» [7].

Профессиональный судья, зачастую скованный ведомственными разъяснениями и боязнью отмены приговора вышестоящей инстанцией, может проявить формализм и назначить неоправданно суровое наказание человеку, который защищал себя или своих близких. Общество же, знакомясь через СМИ с такими приговорами, социум воспринимает их как несправедливые, что ведет к возможной дискредитации судебной системы в целом. Введение присяжных по таким делам позволило бы, во-первых, более точно установить фактические обстоятельства; во-вторых, вынести вердикт, отражающий реальное отношение социума к произошедшему; в-третьих, использовать механизм признания подсудимого «заслуживающим снисхождения», что в соответствии со ст. 65 УК РФ дает судье законную возможность назначить наказание ниже низшего предела или применить более мягкий вид наказания. Это именно тот случай, когда присяжные выступают не в роли обвинителей, а в роли гуманизаторов уголовной репрессии.

Однако расширение компетенции не должно ограничиваться делами о необходимой обороне. В течение последних лет в научной литературе и правозащитных кругах активно обсуждается необходимость включения в подсудность суда присяжных некоторых категорий экономических преступлений, в первую очередь — особо крупного мошенничества по ч. 4 ст. 159 УК РФ, особо крупной растраты по ч. 4 ст. 160 УК РФ и злоупотребе-

ния полномочиями, повлекшего тяжкие последствия по ч. 2 ст. 201 УК РФ. Аргументация здесь, следующая: в условиях существующего обвинительного уклона и высокой степени зависимости судей от позиции следствия, предприниматели, попавшие под уголовное преследование, зачастую лишены реальной возможности доказывать невиновность перед профессиональным судьей, который нередко воспринимает спор о договорных обязательствах или банкротстве как уголовно-правовой конфликт.

Присяжные же, не будучи связанными корпоративными интересами и ведомственными инструкциями, способны отличить гражданско-правовые отношения, например, неисполнение контракта из-за рыночных колебаний, от уголовно наказуемого хищения. Как убедительно показал опыт постсоветских реформ, суд присяжных в таких делах становится реальной альтернативой «телефонному правосудию». Неслучайно бизнес-омбудсмен Борис Титов неоднократно выступал с инициативами о передаче «предпринимательских» дел в суд присяжных, что было поддержано и бывшим Председателем Верховного Суда РФ В. М. Лебедевым в начале 2020-х годов [13]. К сожалению, эти законопроекты до сих пор не приняты, а текущая позиция, озвученная нынешним Председателем Верховного Суда И. В. Красновым в сентябре 2025 года, заключается в том, что «веских оснований расширять институт присяжных нет» [2].

Такая позиция, по моему мнению, представляется ошибочной, поскольку именно в экономической сфере, где доказательства часто являются косвенными, а само обвинение — спорным, участие представителей народа было бы наиболее востребовано для обеспечения реальной состязательности сторон.

Даже если предположить, что всё же, подсудность суда присяжных будет расширена, сам институт может оказаться бессмысленным, если сохранится сложившаяся порочная практика отмены оправдательных приговоров вышестоящими судами. Статистика 2025 года, приведенная в обзоре С. А. Насонова, выглядит удручающе: за первое полугодие апелляционными инстанциями были отменены 74 оправдательных приговора, вынесенных на основании вердиктов присяжных, и лишь 35 обвинительных приговоров [7]. Иными словами, каждый второй оправдательный вердикт аннулируется, тогда как обвинительные вердикты остаются в силе в подавляющем большинстве случаев. Такая диспропорция не может быть объяснена объективными судебными ошибками, поскольку она, наверняка свидетельствует о глубоком укорененном обвинительном уклоне в сознании профессиональных судей апелляционной инстанции, которые не могут смириться с тем, что «неспециалисты» осмеливаются не согласиться с позицией обвинения.

Сергей Анатольевич Пашин, федеральный судья в почетной отставке, заслуженный юрист Российской Федерации и один из немногих создателей современного суда присяжных, в одном из интервью довольно бескомпромиссно отметил: «Вышестоящие инстанции отменяют 33% оправдательных приговоров и только 2% обвини-

тельных, несмотря на то, что уровень дознания и предварительного следствия ниже табуретки» [10]. Эта ситуация порождает так называемый «эффект холодильника», согласно которому подсудимые, видя, что их шансы на окончательное оправдание ничтожны, отказываются от ходатайства о суде присяжных. Как показывают данные, в первой половине 2025 года 42 обвиняемых не поддерживали ранее заявленные ходатайства, опасаясь либо долгого процесса, либо последующей отмены оправдания [7].

Чтобы спасти институт, необходимо внести изменения в ст. 389.25 УПК РФ, четко определив, что отмена оправдательного приговора, вынесенного на основании вердикта присяжных, допускается только при наличии фундаментальных нарушений уголовно-процессуального закона, которые повлияли на содержание вердикта, например, незаконный состав суда, нарушение тайны совещательной комнаты, неправильное напутственное слово судьи, исказившее саму суть доказательств и др. Суды же апелляционной инстанции не должны подменять присяжных и переоценивать доказательства — это прямое вторжение в компетенцию коллегии, установленную ст. 334 УПК РФ. К сожалению, на практике такие переоценки встречаются сплошь и рядом, о чем свидетельствуют многочисленные апелляционные определения, где судьи пишут, что «присяжные не учли те или иные доказательства», что противоречит самому духу и смыслу вердикта.

Отдельного анализа заслуживает практика применения ст. 330 УПК РФ, регулирующей роспуск коллегии присяжных заседателей ввиду тенденциозности ее состава. Долгое время эта норма считалась «спящей», поскольку ни законодательство, ни судебная практика не выработали четких критериев тенденциозности. В 2025 году ситуация обострилась в связи с вынесением Конституционным Судом РФ Определения от 30 октября 2025 г. № 2660-О, в котором рассматривалась жалоба осужденного на нарушение его прав при роспуске коллегии после вынесения, но до провозглашения вердикта. Суд указал, что «вердикт, вынесенный присяжными в условиях явного нарушения тайны совещания, порождает неустранимые сомнения в своей объективности, постольку он не может рассматриваться как справедливый акт правосудия и подлежит аннулированию, а сама коллегия присяжных — роспуску» [9].

На первый взгляд, позиция Конституционного Суда РФ выглядит довольно-таки логичной, ведь тайна совещания — фундаментальная гарантия независимости присяжных. Однако, как отметил С. А. Насонов, беда в том, что УПК РФ в действующей редакции предусматривает лишь два случая роспуска коллегии: до приведения к присяге по мотивам тенденциозности и в случае несогласия председательствующего с обвинительным вердиктом. Роспуск коллегии после вынесения вердикта, но до его провозглашения, по основанию разглашения тайны, например, если кто-то из присяжных написал в интернете о результате голосования, законом прямо не предусмотрен. Более того, если конкретный присяжный нарушил тайну, его можно отстранить в порядке ч. 4 ст. 333 УПК

РФ, заменив запасным. Роспуск же всей коллегии — это коллективное наказание, которое, по сути, позволяет председательствующему «аннулировать» неудобный вердикт, особенно оправдательный, под благовидным предлогом. «Легализация возможности роспуска коллегии присяжных после вынесения вердикта... с большой вероятностью повлечет злоупотребления на практике, позволяя «аннулировать» практически любой оправдательный вердикт», — предупреждает Насонов [7].

Учитывая, что статистика отмен оправдательных приговоров и без того зашкаливает, расширительное толкование ст. 330 УПК РФ может стать крайним гвоздем в «крышку гроба» суда присяжных. Выходом из ситуации могло бы стать законодательное закрепление исчерпывающего перечня оснований для роспуска коллегии после удаления в совещательную комнату, исключающего произвольное усмотрение председательствующего.

Еще одним фактором, подтачивающим институт изнутри, является, на мой взгляд, систематическая неявка кандидатов в присяжные заседатели. Выступая на заседании Совета по правам человека в декабре 2025 года, Президент России В. В. Путин признал наличие проблемы, указав, что «инструмент очень демократический, дорогой, но дело не в дороговизне, дело в стимулах, в том числе морального характера» [11]. Действительно, если в начале 1990-х годов, когда суд присяжных был в новизну, явка составляла 80–90%, то сегодня судам приходится вызывать по 200–300 кандидатов в надежде собрать коллегия из 6 или 8 человек [4].

Причины низкой явки отличны между собой, здесь имеет место и недоверие к судебной системе в целом, нежелание терять заработок, поскольку компенсация присяжным, хоть и предусмотрена законом, часто не покрывает реальных потерь, длительность процессов, которые могут затянуться на месяцы, а также опасения давления со стороны силовых структур. Последнее обстоятельство не является надуманным, поскольку существуют официально подтвержденные случаи, когда прокуроры или следователи собирали компрометирующую информацию о присяжных, включая данные об их родственниках, судимостях и т. д., и использовали ее для шантажа либо для последующей отмены вердикта [1].

В этом контексте особую тревогу вызывает практика, когда после вынесения оправдательного приговора прокуратура инициирует проверки в отношении присяжных, пытаясь обнаружить формальные основания для отвода, например, погашенную судимость у супруга присяжной. Хорошо, что в 2025 году кассационные инстанции в ряде случаев пресекали такие попытки — как, например, Восьмой кассационный суд общей юрисдикции, указавший, что само по себе наличие погашенной судимости у мужа присяжной не является основанием для отвода, а сокрытие этого факта при отборе не может служить поводом для пересмотра вердикта [7]. Однако такие решения, к всеобщему сожалению, носят, увы, единичный характер.

Для системного решения проблемы требуется создание механизма проверки кандидатов в присяжные на этапе

формирования списков силами самих судов, а не постфактум прокуратурой. Необходимо также увеличить размер компенсации, которые разрабатываются Правительством РФ, совместно с Верховным Судом РФ [12] или, например, ввести административную ответственность за неявку без уважительной причины, как это предлагалось в поручениях Президента по итогам встречи с СПЧ.

Подводя итог анализу, следует признать, что суд присяжных в России в 2025 году оказался на критическом перепутье. С одной стороны, мы наблюдаем очевидные позитивные сдвиги, так как рост числа оправданий — 32% в первой половине 2025 года, свидетельствует о том, что присяжные заседатели, не отравленные профессиональным цинизмом и обвинительным уклоном, способны критически оценивать качество следствия и выносить решения, основанные на презумпции невиновности. С другой стороны, аномально высокий процент отмен оправдательных вердиктов апелляцией, практика «коллективных роспусков» коллегии под надуманными предлогами, а также массовая неявка кандидатов создают реальную угрозу фактического исчезновения этого института. Если сохранятся текущие тенденции, суд присяжных может превратиться в декоративную конструкцию, которая будет рассматривать лишь «горстку» резонансных дел, не оказывая никакого влияния на общий обвинительный уклон российской юстиции.

Чтобы этого избежать, на мой взгляд, необходимо принять срочный комплекс мер.

— Во-первых, следует безотлагательно принять законопроект № 1073282–8 о расширении подсудности на дела о превышении пределов необходимой обороны [8] и про-

должить работу по включению в компетенцию присяжных тяжких экономических преступлений.

— Во-вторых, требуется внести изменения в УПК РФ, ограничивающие основания для отмены оправдательных приговоров, вынесенных на основании вердикта присяжных, — апелляционная инстанция, совершенно для всех очевидно, не должна переоценивать доказательства.

— В-третьих, необходимо четко законодательно определить основания для роспуска коллегии присяжных, исключив возможность произвольного аннулирования вердиктов.

— В-четвертых, нужно реально повысить материальное стимулирование присяжных, ввести эффективную защиту от возможного давления, оказываемого на них, в связи с отправлением правосудия, а также автоматизировать и сделать прозрачной процедуру случайной выборки кандидатов, исключив возможность злоупотребления недоработкой юридической техники на этапе составления списков.

Только при выполнении этих условий суд присяжных сможет не просто выжить, но и стать тем самым «судом равных», который, по мысли Честертона, необходим, чтобы спасти правосудие от ремесленной привычки профессионалов [15]. Как писал Сергей Пашин, «суд присяжных — не замена профессионалов, это выполнение той работы, в которой нуждается правосудие», а именно — предотвращение притеснений со стороны государства [10]. Утрата этого института станет не просто очередной «захлебнувшейся реформой», а настоящей катастрофой для правопорядка в России, лишив миллионы граждан последней надежды на справедливый и беспристрастный суд.

Литература:

1. Апелляционное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 19 сентября 2013 г. N 41-АПУ13–36СП. — СПС «Гарант».
2. Краснов И. В. Выступление на заседании Комитета Совета Федерации // Интерфакс. — 2025. — 23 сентября.
3. Кутафин О. Е., Лебедев В. М., Семигин Г. Ю. Судебная власть России: история, документы. Т. 2. — М.: Мысль, 2003. — С. 350.
4. Момотов В. В. Выступление на заседании Клуба Замятина // Право.ru. — 2020.
5. Насонов С. А. Исторические модели производства в суде присяжных: монография. — М.: Р. Валент, 2016.
6. Насонов С. А. Национальная идентичность российской модели производства в суде с участием присяжных заседателей // Правовое государство: теория и практика. — 2026. — № 1. — С. 83–91.
7. Насонов С. А. Суд присяжных: итоги 2025 года и прогноз на 2026-й // Адвокатская газета, 19 января 2026.
8. О внесении изменения в статью 30 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: проект федерального закона № 1073282–8 / внесен депутатами Гос. Думы Л. Э. Слуцким, С. Д. Леоновым и др., сенаторами РФ Е. В. Афанасьевой, В. Е. Деньгиным. — Текст: электронный // СОЗД ГАС «Законотворчество»
9. Определение Конституционного Суда РФ от 30 октября 2025 г. № 2660-О.
10. Пашин С. А. «В суде присяжных прокурору приходится доказывать не только то, что он прокурор...» / Интервью журналу «Неприкосновенный запас». — 2015. — № 1.
11. Путин В. В. Выступление на встрече с членами Совета по правам человека // ТАСС. — 2025. — 9 декабря.
12. Статья «Заседателей усиливают президентским поручением» // Коммерсантъ. — 2025.
13. Статья «Суд присяжных в России: прошлое, настоящее и будущее» // Право. ru. — 2021. (раздел «Что дальше?» — предложения В. М. Лебедева и Б. Титова)
14. Щегловитов И. Г. Суд присяжных (из лекций по русскому судоустройству) // Журнал Министерства юстиции. — 1913. — № 11.
15. Эссе Гилберта Кита Честертона «Двенадцать человек» (“The Twelve Men”) — часть сборника «Ереси» (“Heretics”, 1905).

УГОЛОВНО-ИСПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРАВО, ПЕНИТЕНЦИАРИЯ

Ограничение свободы как вид уголовного наказания: проблемы правоприменения и пути совершенствования

Шарикова Маргарита Викторовна, студент магистратуры

Дальневосточный филиал Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева (г. Хабаровск)

В статье анализируются правовые и организационно-технические проблемы исполнения наказания в виде ограничения свободы, выявленные в ходе опроса сотрудников уголовно-исполнительных инспекций Амурской области. Обосновывается необходимость внесения изменений в УК РФ и УИК РФ.

Ключевые слова: ограничение свободы, уголовно-исполнительная инспекция, ресоциализация, электронный мониторинг, СЭМПЛ, ночные проверки, открытый перечень ограничений, оперативное изменение ограничений, системные проблемы исполнения наказания.

В соответствии с Концепцией развития уголовно-исполнительной системы Российской Федерации до 2030 года одним из приоритетных направлений гуманизации системы исполнения наказаний признано создание условий для успешной ресоциализации лиц, осуждённых без изоляции от общества [1]. Наиболее ярким примером такого наказания является ограничение свободы, которое вместе с тем выступает и одним из самых проблематичных видов наказания с точки зрения его исполнения. Так, согласно проведённому среди работников уголовно-исполнительных инспекций Амурской области исследованию, около 40% сотрудников считают этот вид наказания самым проблемным.

В части 1 статьи 53 Уголовного кодекса РФ [2] закреплён закрытый (исчерпывающий) перечень ограничений, которые суд вправе назначить осуждённому: запрет на уход из дома в определённое время, на посещение определённых мест, на изменение места жительства или работы, на выезд за пределы муниципального образования, а также обязанность регулярно отмечаться в уголовно-исполнительной инспекции. Такой закрытый перечень, по обоснованному мнению специалистов, не способен учесть всё разнообразие жизненных обстоятельств и индивидуальных криминогенных факторов осуждённого. Суд вынужден действовать по шаблону, а реальные риски повторного преступления (например, склонность к алкоголизму, нуждаемость в психологической помощи, необходимость материальной поддержки семьи) остаются за рамками судебного запрета.

Для устранения этой нормативной недостаточности предлагается кардинально изменить подход — сделать перечень ограничений открытым (неисчерпывающим), но при этом ввести обязательные процессуальные барьеры,

не допускающие злоупотреблений и нарушения прав осуждённого. Конкретное законодательное решение заключается в изложении части 1 статьи 53 УК РФ в новой редакции, где после стандартных ограничений добавляется принципиально важный пункт: «а также иные ограничения, если они непосредственно связаны с обстоятельствами совершенного преступления, личностью виновного и направлены на предупреждение совершения им новых преступлений, при условии, что такие ограничения являются исполнимыми и соразмерными содеянному. Суд обязан мотивировать применение каждого дополнительного ограничения в приговоре». Аналогичное изменение вносится и в часть 1 статьи 50 УИК РФ. [3]

Суды обычно предписывают осуждённому находиться дома в ночное время — с 22:00 до 06:00. Однако часть 2 статьи 60 УИК РФ содержит императивный запрет для инспектора посещать жилище осуждённого в ночное время. Следовательно, если осуждённый не использует систему электронного мониторинга подконтрольных лиц (СЭМПЛ), у инспекции нет никакой возможности убедиться, что осуждённый действительно находится дома в эти часы. Инспектор может проводить проверку только до 22:00, но после полуночи факт нарушения остаётся нефиксируемым. Это делает карательную составляющую наказания иллюзорной и подрывает авторитет уголовной юстиции.

Чтобы сбалансировать эффективность надзора и права граждан (в первую очередь — неприкосновенность жилища), необходимо внести в часть 2 статьи 60 УИК РФ целенаправленное исключение. Предлагается следующая редакция: «При осуществлении надзора работник уголовно-исполнительной инспекции вправе посещать в любое время суток (за исключением ночного вре-

мени) жилище осуждённого... В исключительных случаях, когда иным способом невозможно проверить соблюдение осуждённым установленного судом запрета на пребывание вне жилища в ночное время, а также при наличии достаточных данных полагать, что осуждённый отсутствует по месту жительства (пребывания) в указанное время, допускается посещение его жилища в ночное время при условии соблюдения дополнительных процессуальных требований (например, с санкции прокурора или с участием понятых)». Такое решение позволяет проводить точечные ночные проверки именно тогда, когда они действительно необходимы, не превращая их в массовое и бесконтрольное вторжение.

Действующее законодательство (часть 3 статьи 53 УК РФ) допускает изменение или дополнение установленных судом ограничений только по представлению уголовно-исполнительной инспекции и исключительно судом. При любом изменении жизненных обстоятельств (срочная работа, необходимость медицинской помощи в другом городе, поступление в вуз, рождение ребёнка) требуется инициирование процесса инспекцией и последующее судебное решение, что занимает 1–2 месяца. Осуждённый не может напрямую обратиться за изменением меры наказания, что противоречит принципу оперативности и индивидуального подхода. Примерно 55% опрошенных в ходе исследования респондентов отметили данную проблему как одну из самых острых. При этом перечень ограничений изначально достаточно жёсткий, и любое отклонение от него требует сложной, многоступенчатой процедуры.

Необходимо внедрить механизм, позволяющий осуждённому оперативно (в течение 1–5 рабочих дней) менять отдельные ограничения в зависимости от меняющихся жизненных обстоятельств, но с сохранением судебного контроля за ключевыми, фундаментальными параметрами. Конкретно предлагается внести изменения в часть 3 статьи 53 УК РФ и статью 60 УИК РФ, прямо закрепив за начальником уголовно-исполнительной инспекции (или его заместителем) право по заявлению осуждённого временно (до 30 дней) или на постоянной основе изменять так называемые ситуационные ограничения, если это не ущемляет права потерпевшего и не создаёт угрозы обществу. Например, при предъявлении справки с работы о необходимости сверхурочного дежурства начальник УИИ может разрешить отсутствие дома после 22:00 на конкретную дату. При поступлении в вуз — скорректировать маршрут передвижения. Такое решение сокращает нагрузку на суды, ускоряет адаптацию наказания к реальной жизни осуждённого и одновременно повышает добровольность соблюдения запретов, поскольку осуждённый видит, что система готова идти навстречу при наличии уважительных причин.

В уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве отсутствует чёткий порядок определения того, какие именно места и мероприятия следует запрещать осуждённому. Пункт 49 Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы [4]

приводит лишь примеры (места, связанные с распитием спиртного или употреблением наркотиков). Пленум ВС РФ в постановлении № 58 [5] рекомендует указывать признаки таких мест (например, заведения общепита, где разрешена продажа алкоголя, либо детские учреждения). Однако на практике это приводит к размытости запретов. Кроме того, надзор за соблюдением запрета на посещение определённых мест и массовых мероприятий физическими силами инспекции невозможен из-за большого количества таких объектов и осуждённых в пределах одного муниципального образования. Без электронных средств контроля этот запрет остаётся чисто декларативным.

Признать, что эффективный надзор за соблюдением запрета на посещение определённых мест и участие в массовых мероприятиях, а также запрета на выезд за пределы муниципального образования может быть обеспечен только с помощью систем электронного мониторинга (СЭМПЛ). В связи с этим необходимо на законодательном уровне закрепить обязательное применение электронного мониторинга в отношении всех осуждённых к ограничению свободы. Часть 1 статьи 53 УИК РФ, устанавливающая обязательный характер запрета на выезд, уже предполагает использование технических средств, но на практике это требование часто не подкрепляется ресурсами. Решение — сделать электронный мониторинг не альтернативой, а стандартным средством контроля, что автоматически снимает проблему физической невозможности проверки каждого запрещённого места. К сожалению, просто ввести обязательный электронный мониторинг недостаточно — существующая техническая база находится в критическом состоянии, оборудования просто недостаточно.

Анализ правоприменительной практики выявляет следующие системные недостатки в работе системы электронного мониторинга: частые сбои связи между электронным браслетом и мобильным контрольным устройством; критический износ аккумуляторов, из-за чего реальное время работы устройств значительно меньше заявленного; несовершенство картографической базы, когда информация в центрах обработки данных не синхронизирована с реальными границами муниципальных образований, что приводит к ложным срабатываниям; слабый сигнал или его полное отсутствие в удалённых и труднодоступных населённых пунктах; частые поломки самих электронных браслетов и мобильных контрольных устройств (около 50% опрошенных респондентов указали на эту проблему). Выход техники из строя влечёт длительные периоды отсутствия полноценного контроля, создаёт риски повторных правонарушений и увеличивает нагрузку на сотрудников, вынужденных дублировать электронное наблюдение физическими проверками.

Данная проблема носит системный характер и требует комплексного решения. Во-первых, оборудования очень мало, и на всех осуждённых к ограничению свободы его просто не хватает. Во-вторых, оборудование часто выходит из строя и ломается. В-третьих, существует боль-

шая удалённость сёл, где отсутствует связь. Только решив эти проблемы, можно добиться эффективного контроля.

Таким образом, все выявленные проблемы исполнения наказания в виде ограничения свободы — от правовых (закрытый перечень, противоречия между УК и УИК, неточные формулировки, отсутствие оперативной корректировки) до организационно-технических (невозможность ночных проверок, неопределённость контроля за местами, дефицит и ненадёжность техники) — имеют конкретные, логически обоснованные и взаимосвязанные пути решения. Реализация этих предложений позво-

лит привести законодательство и правоприменительную практику в соответствие с задачами Концепции развития УИС РФ до 2030 года, существенно повысить долю применения ограничения свободы, обеспечить реальную ресоциализацию осуждённых без изоляции от общества и одновременно укрепить гарантии соблюдения их прав. Только комплексное внедрение всех описанных решений, а не выборочное исправление отдельных недостатков, способно превратить ограничение свободы в полноценный, действенный и по-настоящему гуманистический вид уголовного наказания.

Литература:

1. Распоряжение Правительства РФ от 29 апреля 2021 г. № 1138-р «Об утверждении Концепции развития уголовно-исполнительной системы РФ на период до 2030 г». // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2021. — № 20. — ст. 3397.
2. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 15.10.2025) // — Текст: электронный // официальный интернет-портал правовой информации: [сайт]. — URL: <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 22.02.2026).
3. Уголовно-исполнительный кодекс Российской Федерации от 8 января 1997 г. № 1-ФЗ (ред. от 13 июня 2023 г.) // Собрание законодательства РФ. 1997. -№ 2. Ст. 198.
4. Приказ Минюста РФ от 11 октября 2010 г. № 258 «Об утверждении Инструкции по организации исполнения наказания в виде ограничения свободы» (ред. от 02.11.2016) // Российская газета от 27 октября 2010 г. — № 243.
5. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.12.2015 N 58 (ред. от 23.12.2025) «О практике назначения судами Российской Федерации уголовного наказания». — Текст: электронный // [consultant.ru](https://www.consultant.ru): [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_190932/ (дата обращения: 31.05.2026).

Новый юридический вестник

Международный научный журнал

№ 7 (59) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Подготовка оригинал-макета О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый».

420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 18.07.2026. Дата выхода в свет: 21.07.2026.

Формат 60 × 90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань,

ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», Республика Татарстан, г. Казань,

ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.